

Будда А. Корниенко Буддизм filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

А. Корниенко

Буддизм

Вместо предисловия

Что такое буддизм? Кто такие буддисты? Как живут, о чем думают последователи одного из самых древних и распространенных на сегодняшний день вероучений?

Что, как правило, первым приходит на ум при слове «буддизм»? Бритоголовый монах в оранжевом балахоне, верящий в то, что после смерти его ждет новое рождение, за ним – снова смерть и так далее. Теория реинкарнаций[1 – Реинкарнация – соответствующая индуизму и некоторым другим течениям теория о том, что после смерти человек рождается вновь в образе человека, животного, смертного божества и так далее до тех пор, пока с помощью отработки прошлых грехов и не совершения новых не освободится от перерождений и не уйдет навсегда в счастливый духовный мир. Буддийская теория реинкарнаций по сути отличается от вышеупомянутой (см. в тексте).] является для многих столь же ярким символом буддизма, как и распятие для христианства. Но как бывает удивлен человек, вдруг осознавший, что буддизм в его представлении вовсе не то, чем он является на самом деле...

Жизнь и деятельность Сиддхартхи Гаутамы

Примерно две с половиной тысячи лет назад в маленьком государстве на северо-востоке Индии (территория современного Непала) произошло радостное событие: у царицы Махамайи, жены царя Шуддходама – потомка знатного рода Гаутама и правителя народа сакья, – родился сын.

Согласно обычаю, бытовавшему в те далекие времена, молодая царица, ощутив приближение родов, поехала в дом своих родителей, чтобы именно там подарить жизнь наследнику престола. Дорога была долгой. Осознав, что время на исходе, Махамайя попросила остановить караван на опушке большого леса. Предание донесло до нас, что, войдя в лес, царица впала в транс и вспомнила странный сон, приснившийся ей в ночь зачатия. Ей снилось, как молодой белый слон – священное животное Индии, – имевший шесть огромных бивней, спустился с неба и вошел в ее лоно. В ту ночь Махамайя поняла, что ей суждено произвести на свет сына, который впоследствии станет либо царем, либо садху[2 – Садху – святой человек, давший обет отречения от мира.]. Традиция гласит, что именно в эту ночь произошло непорочное зачатие будущего Будды, ведь явившийся Махамайе во сне слон был не кем иным, как воплощением самого Верховного Господа – Ишвары.

Царица медленно шла по лесу, все дальше и дальше, до тех пор, пока не начались роды. И тогда дерево, под которым в тот момент оказалась Махамайя, склонило к ней свои ветви, чтобы укрыть ее от посторонних глаз и дать возможность опереться...

Продолжая пребывать в состоянии транса, царица не испытывала боли. Роды произошли в самой красивой части леса, полной удивительных цветов. Считается, что младенец появился на свет через бок роженицы. Когда царица родила, с неба хлынули два потока воды, один – прохладный и освежающий, а другой – теплый и ароматный, и омыли мать и дитя.

Легенда гласит, что кожа у родившегося ребенка сверкала, словно золото, а глаза его были широко раскрыты. Едва появившись на свет, он сразу же мог ходить и говорить, а под стопами его распускались цветы лотосов. Его первыми словами были слова о том, что он пришел в этот мир для того, чтобы избавить от страданий всех живых существ.

Обычному читателю эта история с самого ее начала скорее всего покажется невероятной. Однако последователи буддизма не ставят ее под сомнение, равно как не сомневаются в истории Иисуса Христа христиане.

Царь Шуддходама назвал своего сына Сиддхартхой, что означало «Приносящий блага». По случаю появления на свет наследника престола счастливый отец устроил неслышанный праздник. Но в самый разгар празднований появился неожиданный гость – всеми уважаемый мудрец Асита, которого очень долгое время никто не видел. Взглянув на младенца Сиддхартху, Асита улыбнулся и заплакал. Венценосные родители очень удивились. Они спросили отшельника, почему он плачет. Асита ответил, что плачет он потому, что уже слишком стар и не доживет до того времени, когда Сиддхартха вырастет и сможет стать его гуру [З – Гуру – духовный учитель в Индии.]...

Царь Шуддходама разгневался. Он, как и все в Индии, тоже уважал святых людей, посвятивших себя духовным исканиям, но считал, что такому делу лучше всего предаваться в почтенной старости. Он мечтал видеть в сыне правителя, продолжателя своего дела, а не нищего отшельника, коими в те времена становились все жаждущие постигать, накапливать и передавать духовные знания.

Но отчего именно разгневался царь Шуддходама? Мудрые говорят, что гнев всегда порожден страхом. Если так, то чего же мог бояться великий царь? Ведь он был не только царем для своих подданных, но и отцом, главой своей семьи. А слово отца в Индии – закон для всех других членов семейства. Стоило отцу приказать – и сын был обязан подчиниться его воле. Так что же испугало великого царя, что вызвало его тревогу и беспокойство? Страх его объясняется тем, что Шуддходама знал: высокое социальное положение принца обеспечивало ему колоссальное преимущество над всеми другими слоями населения страны, а значит, давало возможность выбрать свой жизненный путь. И требование царя подчиниться его приказу в этом случае явно бы не было справедливым решением, которое должен принимать как правитель, так и отец.

Чтобы правильно оценить весь масштаб этой привилегии, следует знать, что в Индии, как тогда, так и теперь, существует очень сложная и запутанная система социального деления общества. С незапамятных времен, это подтверждают и литературные источники, и реальная жизнь, там существовали четыре основных сословия – варны и тысячи джати – каст. Касты, в которые входили люди, объединенные, как правило, общей профессией (касты ювелиров, писцов, портных, водоносов и т. д.), с течением времени менялись. Старые касты отпадали, рождались новые, но четыре главных сословия и до сих пор остаются неизменными. Например, высшее сословие – сословие духовенства и ученых, или брахманов, низшее сословие – сословие шудр – рабочих и слуг. Самое низшее сословие – сословие неприкасаемых, которое тоже является варной, но не относится к четырем основным. Это несчастные люди, положение которых и по сей день почти не изменилось. Считается, что даже простое физическое прикосновение к человеку из этого сословия оскверняет. К варне неприкасаемых принадлежат касты кожевников, прачек, забойщиков скота и так далее. И несмотря на то что все так называемые «чистые» варны пользуются их услугами, тем не менее, этим людям запрещено заходить в дома членов «чистых» каст, пользоваться с ними одними колодцами и даже приближаться к ним более чем на определенное количество шагов.

Человек, родившийся в определенном сословии (касте), даже сейчас – а в древности тем более – должен провести свою жизнь исключительно в нем. Для духовенства, воинов, торговцев это, конечно, не так уж и страшно, в отличие от людей из низших сословий. Ведь несмотря ни на какие таланты, ни на какие высокие умственные способности, человек из сословия шудр или тем более неприкасаемых обречен всю свою жизнь выполнять исключительно тяжелый физический труд без малейшего шанса что-либо изменить, разве что навсегда уехать из родных мест. Но как он может это сделать, будучи зачастую предельно бедным и не зная никакого другого языка, кроме одного из множества бытующих в Индии диалектов?

Все вышесказанное означает, что у такого человека не было да и сегодня нет практически никакой возможности выбирать. У Сиддхартхи такая возможность была. Поэтому Шуддходама с самого раннего детства сына начал прививать ему мысль о том, что единственный достойный его путь – это путь правителя страны. Он окружил мальчика невиданной роскошью, для того чтобы она стала естественной для Сиддхартхи и чтобы ни о каком ином образе жизни тот даже помыслить не мог.

Но кроме разума мудрого правителя царь обладал еще и сердцем любящего отца. Зная, как тяжела, а порой и страшна бывает человеческая жизнь, Шуддходама решил, насколько только это будет в его силах, оградить своего дорогого сына от

страданий. Он обустроил свой дворец с поистине сказочным великолепием. В нем было все, что нужно для жизни и даже больше. Роскошь царского дома ослепляла. Многочисленные сады и парки манили укрыться в своей благоухающей тени от зноя. Восхитительные бассейны с чудесными фонтанами дарили жаждущим свою животворную влагу. И самое главное, все во дворце – от прислуги до приближенных – были молоды и здоровы. Царь хотел, чтобы Сиддхартха как можно дольше не знал о существовании таких горестных вещей, как боль, скорбь, болезни, старость и смерть. Мальчику никогда не говорили о том, что рано или поздно он неминуемо испытает все это: познает ужас потерь, беспомощность дряхления и, в конце концов, умрет. И никакие богатства отца не смогут спасти его от этого страшного удела. Как не спасли они и царицу Махамаяю, которая скончалась от болезни вскоре после родов...

Но пока, дабы оттянуть роковой момент, Шуддходама повелел, чтобы принца не выпускали за пределы созданного им миниатюрного рая...

Сиддхартха рос в счастье и довольстве, посвящая дни своей жизни забавам и развлечениям. Он купался в наслаждениях, и ему было так хорошо, что он не испытывал нужды узнать, что же именно находится за дворцовыми стенами.

Когда принц достаточно подрос, его женили на прекрасной царевне Яшодхаре и в скором времени у них родился сын. Шуддходама был счастлив. Он уже почти уверовал в то, что Сиддхартха полностью вошел во вкус той жизни, которую ведут правители, а красавица жена и возлюбленный сын окончательно утвердят принца в его будущем выборе. Но произошло непредвиденное...

Дело в том, что, несмотря на окружающее его благополучие, Сиддхартха не чувствовал покоя. И чем старше он становился, тем сильнее донимало его душу странное томление, объяснения которому он, как ни старался, никак не мог отыскать. В конце концов принц решил, что ему просто наскучила дворцовая жизнь, ведь кроме нее он не видел ничего, даже собственного города! И тогда он отправился к своему отцу, дабы сообщить ему о своем намерении повидать мир. Шуддходама очень обеспокоился решением сына. Царь знал, в какой нищете живут простые индийцы и не без оснований опасался, что это вызовет у принца шок. И Шуддходама приказал, чтобы вдоль дороги, по которой будет следовать принц, все обустроили надлежащим образом...

Поэтому, когда распахнулись дворцовые ворота, глазам Сиддхартхи предстала ликующая толпа молодых здоровых людей, одетых в праздничные одежды. Слуги, несшие золотые носилки, на которых восседал принц, неспешно продвигались вперед, а «счастливые граждане» бросали на дорогу цветы...

И тут произошло то, что позднее в буддийской традиции стало принято называть «четырьмя знаменьями». Сначала принц увидел старика, морщинистого, тощего и сгорбленного, случайно вышедшего навстречу процессии. Сиддхартха был потрясен его внешним видом. Он спросил своего слугу, почему этот человек так выглядит. Слуга не осмелился солгать принцу. Он ответил, что этот человек просто стар. Но Сиддхартха не понял значения этого слова. Тогда слуге пришлось объяснить принцу, что старость – неизбежный удел живых существ и такими, как этот старик, рано или поздно становятся все, даже цари...

Сиддхартха был потрясен до глубины души. Он воскликнул, что раз жизнь делает с человеком такое – то ни в молодости, ни в силе нет вообще никакого смысла! Затем Сиддхартха увидел людей, страдающих от тяжелых болезней. Принц спросил слугу, что случилось с этими людьми и отчего они плачут и стонут. Слуга ответил, что этих людей поразили болезни и стонут они от боли. Принц долго не мог поверить в то, что кого угодно, даже самых, казалось бы, здоровых и крепких людей, может в любой момент настичь болезнь и превратить их в беспомощных калек...

Третьим знаменьем считается встреча Сиддхартхи с похоронной процессией. Тело усопшего несли на носилках, чтобы, по обычаю, кремировать на берегу реки. Эта встреча окончательно сразила принца. Он осознал, что человек, по большому счету, не в состоянии контролировать собственную жизнь: он обречен быть игрушкой в руках судьбы, а это, как и неизбежность смерти, делает жизнь бессмысленной нелепостью...

Но, наверное, даже больше, чем все вышесказанное, принца поразило смирение самих людей, с которым они принимали свой кошмарный удел. Даже для слуги Сиддхартхи во

всем происходящем не было ничего странного. То, что так возмутило его господина, слуга воспринимал как должное, как естественное, как нечто, само собой разумеющееся. Отсюда буддийская традиция делает вывод, что в момент явления ему «трех знамений» Сиддхартха пробудился к пониманию истинных процессов, происходящих в мире.

Четвертым знамением считается встреча принца с нищим садху, просящим милостыню на улице. В Индии люди, желающие сделаться садху, отрекались от мира и давали обет вести нищенский образ жизни. Этим они, с одной стороны, подчеркивали тот факт, что в нашем обычном мире, или царстве сансары[4 – Сансара – полный иллюзии (заблуждений) материальный мир, в котором не существует бессмертия, состоящий из трех планетарных уровней (райские, адские и средние миры; к последним и относится Земля).] невозможно обрести свой истинный дом, а с другой – что смысл человеческого бытия не может быть постигнут с помощью выполнения традиционных общественных правил.

И тогда Сиддхартха, жаждущий отныне только одного – отыскать путь, который привел бы всех людей к избавлению от страданий, понял, что ему уготовано.

В душе принца началась тяжелейшая борьба. Для того чтобы попытаться выполнить задуманное, необходимо было стать садху. Но для этого нужно было отказаться от возлюбленной жены и сына, от дорогого отца и от своего дома – от всего, что до сих пор было ему так дорого.

Никто точно не знает, какие именно доводы в пользу отречения от мира приводил себе Сиддхартха. Известно только, что в одну из ночей он нежно поцеловал спящую жену и малютку-сына и, попросив у них прощения, навсегда покинул дворец.

Можно предположить, что многих читателей возмутит решение принца бросить свою семью на произвол судьбы, вне зависимости от причин, побудивших его к этому. Безусловно, Яшодхара испытала сильнейшее потрясение, когда поняла, что никогда больше не увидит возлюбленного супруга, а ее сын – своего отца. Хотя, с общепринятой точки зрения, поступок Сиддхартхи можно попытаться оправдать тем, что семья принца все же не осталась в одиночестве, без средств к существованию, что, к прискорбию, происходит сплошь и рядом в нашей повседневной жизни. И Яшодхара, и ее сын были особами царской крови, жили в роскоши и достатке во дворце, и об их благополучии заботился сам правитель Шуддходама. А вот как бы повел себя Сиддхартха, если бы дело обстояло иначе, если бы ему, как и подавляющему большинству населения страны, приходилось с утра и до поздней ночи гнуть спину, чтобы заработать на хлеб для своей семьи, – остается только догадываться. Но Сиддхартха был тем, кем он был, и сделал то, что он сделал. Хуже было бы, если бы этот его шаг остался безрезультатным. Но мы уже знаем, что у принца все получилось, ведь иначе не существовало бы ни буддизма, ни его последователей.

Конечно, своим поступком будущий Будда вовсе не призывал всех и каждого бросать свои семьи и отправляться в лес на поиски знаний. Этот его шаг можно рассматривать как аллегорию, как образное подтверждение уже упомянутой выше древней индийской истины, которую разделяют монахи всех времен и народов: исключительное соблюдение принятых в обществе правил и норм не является способом постижения истинной природы вещей.

Отказавшись от обязанностей отца, супруга и наследника престола, Сиддхартха взял на себя иные обязательства, заключающиеся в отречении от мирской суеты и обете посвятить свои дни поиску пути избавления от страданий всех живых существ. Видимо, именно по этой причине – следуя примеру своего учителя – каждый буддист стремится принять на себя определенные обязательства, могущие поспособствовать его духовному росту, и очень серьезно относится к ним. Однако не стоит забывать, что не все обязательства и далеко не всегда влекут за собой одинаково положительные последствия. Возможно, по этой причине в буддизме как в учении существует масса всевозможных течений и направлений, среди которых каждый желающий может отыскать нечто, подходящее для себя и своей жизненной ситуации.

Но вернемся к Сиддхартхе. Тайно покинув дворец, принц направился в лес, расположенный на границе царства Сакья. Там он снял свои дорогие одежды, срезал волосы и бороду и переоблачился в простую одежду странствующего монаха. Этот период – период становления Сиддхартхи как духовного учителя – в буддийской традиции принято называть периодом продвижения вперед.

Бродя в одиночестве по лесам, Сиддхартха встретил группу йогов-аскетов. Йоги стремились постичь истину путем умерщвления плоти. С этой целью они жили в уединении, ходили обнаженными, голодали, не мылись, не стригли волос и ногтей, спали под открытым небом, максимально ограничивая себя даже в этой, естественной для каждого человека, потребности. Сиддхартха остался с аскетами и в течение шести долгих лет усиленно практиковал их образ жизни. В конце концов ему удалось завоевать столь высокий авторитет среди аскетов, что некоторые из них даже стали его учениками. В этой связи существует удивительная легенда, которая рассказывает о том, что в один из ненастных дней из густых зарослей травы выползла огромная кобра и, добравшись до медитирующего [5 – Медитация (в широком смысле) – успокоение ума путем устранения мысленного потока при помощи сосредоточения и концентрации сознания; в узком – определенное трансцендентное состояние, в которое входит медитирующий. Считается, что духовно продвинутый йог в состоянии медитации может видеть необыкновенные вещи, путешествовать в иные миры, творить планеты и так далее.] Сиддхартхи, укрыла его от дождя своим распущенным капюшоном. Увидев это чудо, аскеты поняли, что перед ними великий гуру, и признали принца своим наставником.

Но по прошествии шести лет произошло то, что заставило Сиддхартху изменить свои прежние убеждения. Однажды, когда принц медитировал на берегу реки, он услышал, как проплывавший мимо него на лодке старый музыкант рассказывал своим ученикам о том, что если струну на музыкальном инструменте натянуть слишком сильно – она порвется. Если натянуть слишком слабо – она не будет звучать... Этот момент стал следующим важнейшим моментом в жизни Сиддхартхи. Он понял, что за прошедшие годы уровень его сознания стал намного выше, но тем не менее он вовсе не приблизился к истинному пониманию процессов, происходящих в мире. И, что истязая свое тело, равно, как и целиком отдаваясь безудержным наслаждениям, невозможно постичь тайну человеческого бытия. И первое, и второе Сиддхартха узнал на собственном опыте, живя в роскоши во дворце и практикуя предельное самоограничение в лесу с аскетами, поэтому имел полное право судить. И хотя принц все еще не достиг просветления, в этот миг он открыл то, что впоследствии и станет именоваться Великий Серединный Путь Будды.

Сиддхартха снова остриг волосы, омылся в реке и начал принимать пищу. Увидев все это, даже те из аскетов, которые считали себя его учениками, отвернулись от него, решив, что учитель предал их идеалы. Уйдя от аскетов, Сиддхартха долгое время скитался по стране, переходил от одного духовного учителя к другому, но так и не сумел отыскать ответа на мучившие его вопросы.

И вот тогда произошло то, что стало переломным моментом как в жизни самого Сиддхартхи, так и мира в целом. Разочаровавшись во всех существующих методах, Сиддхартха в один прекрасный день пришел в душистую рощу на берегу реки. Там он уселся под деревом джамбу, которое впоследствии стало именоваться деревом бодхи, то есть «деревом просветления», и поклялся не вставать с места до тех пор, пока это самое просветление на него не снизойдет. Достаточно категоричный шаг. Не стоит повторять его дома, ведь ни у кого из нас на данный момент нет такого духовного потенциала, каким обладал будущий Будда. Но Сиддхартха действительно готов был умереть от голода и жажды, но постичь то, к чему так стремилось его сердце.

Древние буддийские тексты рассказывают о том, что во время этой, предшествующей просветлению, медитации принц подвергался тяжелейшим духовным испытаниям. Злобные духи жадности, страха, гнева, похоти и гордыни, осознав всю опасность происходящего для своей власти, являлись ему в виде прекрасных девушек и пытались его соблазнить. Сам грозный Мара – хозяин Тьмы и Смерти – нападал на Сиддхартху, чтобы заставить его выйти из медитации. Он угрожал, он предлагал ему всяческие блага, даже власть над миром... Принцу пришлось применить все накопленные им знания и умения, чтобы остаться самим собой и не поддаваться ухищрениям Мары.

Неизвестно, сколько именно времени длилась эта борьба. Как неизвестно и то, как долго пришлось медитировать Сиддхартхе, прежде чем он достиг того, ради чего отказался от своей семьи и жизни властителя, того, ради чего он претерпел столько трудностей и лишений, того, без чего он просто не мог существовать. Источники донесли до нас, что в месяце, соответствующем европейской маю, в ночь, когда на небе стояла полная луна, пребывая в состоянии глубокой медитации, Сиддхартха сконцентрировал свое сознание на восходящей утренней звезде. Именно в

этот миг он и стал Буддой, то есть Абсолютно Просветленным. Ему открылась истинная суть вещей и смысл происходящих в мире процессов. Он осознал причину человеческих страданий и открыл путь – совершенно новый для мира – избавления от них.

В чем же заключалась новизна пути, открытого Буддой? Его уникальность выражалась в том, что населению нашей планеты впервые была предложена возможность достижения высоких духовных целей не только без помощи священнослужителей, но даже и самого Бога. Тут важно понять следующий момент: Будда не отрицал существования богов как таковых. Да и как бы он мог отрицать, если буддийские источники прямо говорят о том, что Абсолютно Просветленный не раз лично общался с ними? Но, по утверждению Будды, участие богов не является необходимым условием ни для духовного роста человека, ни для его полного освобождения, ни для последующего существования. При всем при том буддизм не только не противостоит религиям, но как ни одно другое вероучение терпимо относится к иным путям, ведущим к постижению истины.

Следующим важным моментом – теперь уже главным образом для индийского народа – явилось то, что буддизм стал универсальным учением, доступным всем и каждому, вне зависимости от социального положения или уровня образованности адепта. Конечно, для мира в целом подобное явление назвать уникальным нельзя. Появившиеся позднее христианство, ислам, как и некоторые другие, более древние религиозные течения, также предполагают «спасение для всех». Но для Индии тех лет оно стало поистине новаторским. Тут стоит пояснить: дело в том, что буддизм, как бы там ни было, возник и получил свое развитие не на голом месте, а в контексте индуизма – бытовавшей тогда (да и теперь) традиционной индийской религии, переняв у последнего теорию реинкарнаций, практику медитации и так далее. В индуизме духовные знания считались именно знаниями, то есть тем, что следовало тщательнейшим образом изучать. Изучать посредством так называемых «священных текстов» – вед и прочего. И доступны были такие знания только высшему сословию – брахманам. В соответствии с этим простой, неграмотный человек не имел никакого шанса ни на духовный рост, ни на освобождение от круговорота сансары. Буддизм все изменил. Теперь даже самый малограмотный человек, при наличии достаточного желания и упорства, мог очиститься от иллюзий майи[6 – Майя – иллюзия, философская категория в индуизме и буддизме. Считается, что весь материальный мир, в том числе и мир людей, является иллюзией. Тот, кто сумеет избавиться от иллюзий майи, начинает видеть истинную суть вещей. Видение сути вещей – важнейший этап к освобождению от круговорота сансары.] и стать Буддой. И не существовало ничего, кроме собственной неусидчивости и недостаточной устремленности, способного помешать ему в этом.

Кроме того, Будда совершил еще один небывалый по значимости прорыв: он отверг кастовое деление общества. В связи с таким положением вещей не удивительно, что, когда буддизм начал свое шествие по стране, многие брахманы, почуяв опасность для собственной власти, его тут же объявили ересью. Но даже это не смогло подорвать авторитета удивительного учения, подаренного каждому живущему на земле Сиддхартхой Гаутамой.

Достигнув поставленной перед собой священной цели, Абсолютно Просветленный осознал, что теперь перед ним встала новая задача: донести свет своего учения – учения о дхарме[7 – Дхарма (санскр. «истина, закон, учение») – общее название буддистской практики.] – до других людей.

Считается, что Будда не сразу решился это сделать. Он долгое время не верил, что погрязшее в иллюзорных ценностях сансары человечество сможет его принять. Буддийские источники сообщают, что в конце концов сам творец Брахма[8 – Брахма – Господь-творец в индуизме.] вынужден был явиться Будде, дабы убедить его начать проповедь. Только эта встреча окончательно утвердила Абсолютно Просветленного в своем выборе.

Первую проповедь – проповедь о дхарме – Будда прочитал своим бывшим единомышленникам-аскетам. Преодолев пешком сотню миль[9 – Миля – около 1,61 км.], разделяющих рошу, где на него снизошло просветление, и лес, в котором жили аскеты, он попытался убедить их в том, что ему удалось постичь истину и отныне он – Татхагата, то есть «Тот, кто продвинулся дальше».

Как и следовало ожидать, аскеты не поверили Будде. Ему трижды пришлось убеждать их, прежде чем его речи и все его поведение заставили пятерых аскетов признать,

что перед ними действительно Абсолютно Просветленный. И вот тогда в Оленьем парке у города Бенареса Будда и прочел им свою знаменитую проповедь, образно названную «Первым поворотом колеса дхармы». Считается, что именно с этого момента и начинается вся буддийская традиция.

Сложно сказать, как разворачивались бы события, если бы Будда не обладал необходимым красноречием и способностью убеждать. Возможно, тогда его знания так навсегда бы и остались исключительно его собственным достоянием. Но как бы там ни было, уже после первой проповеди у Будды появились и первые преданные ученики.

Всю оставшуюся часть своей жизни – от момента, когда в возрасте тридцати пяти лет на него снизошло просветление – Будда провел, странствуя по северо-востоку Индии и неся людям свет дхармы. Жил он тем, что просил подаяния, в молчании стоя у дверей домов с чашей для милостыни. Ел он только один раз в день, а потом проповедовал всем, кто хотел его слушать. Постепенно круг его последователей расширялся. Конечно, встречи Будды с людьми не всегда были одинаково удачными, ведь среди его современников было много последователей уже сложившихся духовных традиций, которые стремились достичь того же самого, чего уже достиг Будда. Очень трудно было убедить таких людей в том, что он уже обрел знания, которые для них по-прежнему оставались только мечтой. Но подобные неудачи ничуть не уменьшали устремленности Абсолютно Просветленного. И если сначала у него было только пятеро последователей, то через некоторое время их стало столько, что сторонники нового учения смогли организовать целую монашескую общину (бикху сангху).

Последователями буддизма становились также и миряне, которым разрешалось следовать учению, не отрекаясь от своего семейного положения. Женщинам тоже разрешено было следовать путем дхармы, хотя сам Будда принимал их довольно неохотно. Возможно, потому, что считал влечение к женщине одной из основных помех в достижении нирваны[10 – Нирвана – не схожее ни с чем, известным в материальном мире, трансцендентное состояние, в котором не присутствует ни физической, ни ментальной боли. Хотя Будда не дал конкретного – а только поэтические – определения нирваны; считается, что любое существо, вошедшее в нее, обретает (после смерти) – или переживает – самое прекрасное состояние из всех возможных.]

Проповедническая деятельность Будды длилась сорок пять лет. Умер великий учитель в возрасте восьмидесяти лет, и это событие назвали «паринирваной» Будды, то есть «нирваной без остатка» – состоянием, в котором он больше не был подвержен перерождению.

Скончался Абсолютно Просветленный, пребывая в глубочайшей медитации, склонившись вправо, поддерживая голову рукой. Эта поза с тех пор воспроизводится на буддийских иконах.

Тело великого учителя было кремировано, а прах помещен на хранение в ступы – специальные мемориальные строения, расположенные в разных частях Индии.

Перед смертью Будда не назначил преемника, словно желая, чтобы в сангхе, в отличие от других религий и учений, не было иерархии.

Последними словами великого учителя считаются слова, сказанные им одному из своих учеников, Ананде. Будда просил, чтобы Ананда не плакал о нем, ведь он знает, что в этом мире мы всегда теряем все, что любим. Будда просил Ананду жить дальше и продолжать следовать священным путем дхармы. И тогда, в скором времени, он тоже будет освобожден...

Учение будды: Четыре Благородные Истины и Восьмеричный Путь

Сразу стоит отметить следующее: ни ранее, ни теперь никакого буддизма вообще, буддизма как такового не существовало и не существует. По сути буддизм – только имя для обозначения многочисленных течений и направлений, считающих себя буддийскими. Тем не менее, существует ряд идей, характерных для всех направлений буддизма. Именно этот круг основных идей можно назвать основами учения. К этим

основам относятся так называемые Четыре Благородные Истины и Великий Серединный Путь.

Учение, открывшееся Сиддхартхе Гаутаме, было изложено его последователями в специальном собрании текстов – сутрах[11 – Сутра (санскр. «нить») – собрания текстов духовного канона.], в виде рассуждений – даршан – самого Будды. И хотя понимание буддизма разное даже у самих буддистов, поскольку не все они видят источник спасения именно в Будде Шакьямуни, так стал именоваться принц Сиддхартха Гаутама, – но и в других Буддах, тем не менее, Четыре Благородные Истины и Великий Серединный (он же Восьмеричный) Путь признаются и почитаются всеми буддистами без исключения.

К понятию Четырех Благородных Истин и Серединного Пути Будда обращается уже в первом своем рассуждении, запечатленном в буддийском каноне. Это самая главная, неизбежная часть буддийского учения, которую можно свести к одному понятию – дуккха[12 – дуккха, дуккха (санскр. «болезненность, неприятность, страдание, боль»). В Четырех Благородных Истинах Будды Гаутамы термин «дуккха» вряд ли можно переводить как собственно «страдания». Дуккха значит «нетерпение, непостоянство, нестерпимость». Некоторые исследователи предлагают переводить это слово как «беспокойство», «волнение» или как «беспокойная неудовлетворенность».] или страдание.

Четыре Благородные Истины, сформулированные Буддой, выглядят следующим образом:

Первая Истина – дуккха: «Жизнь есть страдание».

Вторая Истина – самудая: «Источник страдания».

Третья Истина – ниродха: «Прекращение страдания».

Четвертая Истина – магга: «Путь, ведущий к прекращению страдания».

Попробуем рассмотреть, что же это за истины, о которых тысячи лет говорят миллиарды (!) людей во всем мире.

Первым делом подумаем над тем, что же собой в действительности представляет человеческая жизнь?

По утверждению Будды, жизнь есть страдание. Это утверждение является Первой Благородной Истиной буддизма. Понимание того, что все мы страдаем, является отправной точкой всего буддийского учения. Ведь если бы это было не так, не томилось бы сердце у принца Сиддхартхи Гаутамы, не узнал бы он, что значит сострадать[13 – Смысл слов «сострадать», «сочувствовать» и тому подобных в современном обществе зачастую искажается. На самом деле сострадать, соболезновать – это не взгрустнуть мимоходом над чьей-то бедой, не выразить свою жалость по поводу случившегося, а обладать способностью чувствовать чужую боль так же точно, как свою собственную. Способность чувствовать чужую боль развита, на самом деле, лишь у очень немногих, и развитие такой способности считается важнейшим шагом на пути духовного роста.], поскольку и сострадать-то, собственно, было бы некому. Он до конца своих дней прожил бы в радости и благоденствии во дворце, в кругу любящей семьи, а не променял бы все это на балахон нищего отшельника, чтобы помочь живым существам выбраться из трясины, в которую затянула их сансара.

Конечно, нельзя сказать, что наша жизнь целиком состоит из одних только несчастий, как не состоит она и из одних счастливых событий. Утверждение «жизнь есть страдание» подразумевает, что в целом человеческая жизнь несовершенна и многие, слишком многие вещи в ней причиняют нам боль. И в первую очередь – наши собственные желания.

Желания... Даже прежде чем человек начинает осознавать себя живым существом, он начинает желать. Сначала это неосознанные, так называемые инстинктивные желания, как, например, желание пищи и тепла. Цель у таких желаний проста и понятна – выживание. Но чем старше становится человек, тем больше желаний, зачастую вовсе не связанных с жизненной необходимостью, у него появляется. Люди желают всего, чего угодно: неиссякаемых материальных благ, нерушимого здоровья, головокружительной любви, страстного секса, блистательной карьеры, разнообразных

развлечений и так далее и тому подобное. Однако суть жизни такова, что мы не имеем возможности реализовать наши желания в полной мере. Это вовсе не означает, что все без исключения наши цели недостижимы. Речь идет о том, что то, к чему мы стремимся, либо вообще не приносит нам ожидаемого счастья, радости и удовлетворения, либо быстро «приедается», либо так и остается неосуществленным. И – самое ужасное и неизбежное – все, чего бы мы ни достигли, мы утратим рано или поздно. Какого бы успеха мы ни добились, каких бы благ мы ни достигли, сколько бы денег ни накопили, сколь бы тесный круг друзей или любящих родственников ни сплотили вокруг себя – придет день, когда мы потеряем все, равно как и свою жизнь, и понимание этого момента делает пребывание в сансаре поистине мучительным.

Человек постоянно тянется к стабильности, пытается удержать возле себя вещи и людей, однако это ему не удается. Все меняется: люди, чувства, мысли, отношения. И с этим ничего невозможно сделать. Непостоянство, изменчивость и непредсказуемость мира является причиной дуккхи.

Все учение Будды строится на исходном условии, что дуккха – это важнейшая проблема человечества: из-за того, как мы живем, жизнь для нас – дуккха.

Дуккха – это:

- рождение, старение, болезни, смерть;
- печаль, стенания, боль, горе, отчаяние;
- контакт или связь с нежелательным;
- расставание с желаемым;
- желание получить и неполучение этого.

И в качестве обобщения можно сказать, что все пять совокупностей цепляния (тело и ум) – это дуккха. Все это, конечно же, сама жизнь.

Многие молодые здоровые люди пытаются протестовать против Первой Истины. Однако она становится очевидной для каждого в тот момент, когда человек осознает, что он смертен. Зачастую это происходит тогда, когда человек тяжело заболевает или переживает какой-нибудь иной мощный катаклизм, в мгновение ока разрушающий созданный им в своем воображении иллюзорный счастливый мир, или же просто стареет.

Вторая Благородная Истина буддизма говорит о причине страдания. По этому поводу важно понять следующее: буддийское учение утверждает, что человеческая жизнь не должна быть такой, какая она есть. Она не должна постоянно балансировать между желанием, пресыщением или разочарованием, не должна быть такой же нестабильной, как этот материальный мир. А человек должен уметь перестать отождествлять себя со сгустком бесконечных «хочу», который заполняет его сознание, с концентратом постоянно изменяющихся эмоций, которые он привык воспринимать, как собственное «я». И тут следует снова вернуться к нашим желаниям, желаниям, целью которых правильнее всего будет назвать желание наслаждаться.

Что бы человек ни делал, что бы ни искал, цель всех его действий, по сути, сводится к одному и тому же – получить наслаждение. Состояние постоянного наслаждения именуется счастьем. Погоне за этим состоянием человек посвящает свою жизнь. Однако, как мы уже знаем, в мире сансары нет ничего постоянного. Для того чтобы хоть как-то сгладить горечь разочарования, боль потерь, человек начинает ставить перед собой новые цели, суть которых по-прежнему заключается все в том же самом – стремлении получать наслаждение, стремлении по максимуму заполнить свою жизнь «приятным» и попытке оградить себя от «не приятного». Результат таких стремлений предсказуем. В итоге образуется замкнутый круг. Но, самое главное – виновен в таком положении вещей не только нестабильный мир, который мы привыкли воспринимать, как мир вокруг нас, хотя в действительности он является неотъемлемой частью нас самих. Виновно тут, главным образом, это вечно жаждущее счастья и удовлетворения «я», которое мы, осознавая нестабильность мира, почему-то стремимся воспринимать как нечто стабильное. Попытка выделить

собственное «я» как некую отдельную единицу, отдельную «душу» из единого живого организма, затуманенного пеленой майи мира сансары, является тем самым препятствием, которое делает обретение счастья и удовлетворенности невозможным.

А происходит это благодаря такому явлению, как «привязанность». Нас приучили рассматривать состояние привязанности, как правило, в положительном свете. В буддизме все иначе. Наша привязанность к чему угодно в этом мире – будь то бутерброд с маслом или живое существо – и есть страдание. Если мы сумеем освободиться от привязанностей – мы перестанем страдать. Даже в этой жизни.

И вот тут будет уместным окончательно сформулировать мысль, к которой подводили нас два предыдущих абзаца: буддизм отрицает человеческую душу. При этом он утверждает, что индивид – это лишь набор вечно изменяющихся совокупностей энергий или элементов. Всего таких элементов, скандх, пять: глаза, уши, нос, язык и интеллект.

Для лучшего понимания этого момента буддизм приводит в пример колесницу. Что такое колесница? Это каркас? Нет... Это колеса? Нет... Это оглобли? Это хомут или кнут? Нет. Само по себе все это не является колесницей. Лишь совокупность всех перечисленных элементов является колесницей. Точно так же и человек является лишь совокупностью скандх, только и всего. Благодаря им и возникает дуккха.

Но почему так происходит? Благодаря нашим органам чувств мы получаем определенные ощущения. На самом деле эти ощущения иллюзорны, они являются лишь последствием действия майи, не дающей видеть истинной сути вещей, однако мы, попавшие в плен этой иллюзии, начинаем придавать им невероятно большое значение. Мы видим мир, мы слышим звуки, чувствуем запахи, ощущаем вкус, прикосновения, мыслим, в конце концов. Все эти ощущения мы делим на приятные и неприятные. Приятные ощущения мы стремимся повторить и усилить, несмотря на то, что это не всегда достижимо, от неприятных – избавиться, что тоже порой весьма проблематично. Таким образом и возникает привязанность. Привязанность к «приятному» и неприятие «неприятного» (а неприятие – это тоже своеобразная привязанность, пусть даже со знаком «минус») в вечно меняющемся мире порождает страдания.

Таким образом, с буддийской точки зрения, можно сказать, что любая привязанность в этом мире есть заблуждение. Главным же заблуждением человека – и, соответственно, источником самого большого для него страдания – является его привязанность к собственному несуществующему «я».

Тут читатель может задать вопрос: если никакого «я» не существует, какова же ценность человеческой жизни? И к чему тогда так называемое нравственное поведение? Живи, как хочется, твори, что угодно, ведь и спрашивать, собственно, не с кого. Однако не все так просто. Оказывается, что рассуждать подобным образом – большая и опасная ошибка, и тут мы вплотную подходим к тому, что принято называть законом кармы.

Слово «карма» означает «действие» и подразумевает следующее. Находясь в материальном мире, живое существо, так или иначе, совершает определенные действия. Каждое действие влечет за собой определенные последствия: хорошие, добрые действия – добрые последствия, злые действия – последствия негативные. Пример: ты дал кому-то пощечину. По закону кармы теперь ты сам должен эту пощечину получить. И обязательно получишь, в том или ином виде, в зависимости от того, как будешь вести себя дальше. Причем тот, кто тебе ее даст, исполнит твою карму, но тут же ухудшит свою собственную, тоже увязая в этой мрачной трясине, из которой очень непросто выбраться.

Следуя общепринятой логике, может показаться, что человек, творящий добро, просто обязан жить хорошо, а негодяй и мерзавец, соответственно, плохо. Однако в реальной жизни мы сплошь и рядом наблюдаем совершенно иное. И мы, негодую от несправедливости жизни, спрашиваем себя: почему? И начинаем искать ответ.

К примеру, христианская религия отвечает на этот вопрос следующим образом: на жизнь на Земле оказывает влияние дьявол. В результате этого страдают добрые люди, причем страдают, естественно, чаще и сильнее, чем злые.

Атеисты говорят: случайность, невезение и так далее.

А вот в Индии на этот вопрос отвечают иначе: карма. Причину человеческих удач, как, впрочем, и неудач, здесь принято искать в прошлых жизнях, причем вовсе не обязательно в предыдущем воплощении. Не каждому хватает одной жизни, чтобы загладить прошлую вину. Потому отработка старых грехов может растянуться на бесчисленное количество воплощений. Случайности же, равно как и несправедливости (в кармическом смысле), быть не может в принципе.

Но читатель может спросить: «А где же справедливость? Почему нельзя ответить пощечиной на пощечину сразу, пока провинившийся хотя бы помнит, за что его бьют?» Жители Индии нашли ответ и на этот вопрос: Космический Закон Абсолютной Справедливости дает живому существу время на размышление, потому что его выбор должен быть более или менее независимым и сознательным. Если ребенка, к примеру, каждый раз бить по рукам за то, что он дергает за хвост котенка или бессмысленно ломает ветки деревьев, рвет траву и цветы – и так раз за разом, то он, безусловно, не стал бы этого делать. Но для Космического Закона так было бы, по-видимому, слишком просто...

Таким образом, буддисты считают, что, если человек страдает, значит, в своих прошлых жизнях он совершал много негативных поступков. Благие же дела создают позитивную карму. Например, считается, что человек, родившийся в обеспеченной семье, семье руководителя, царя, президента и так далее, имеет позитивную карму. И то, что среди упомянутых лиц встречаются особы, явно далекие от человеколюбия, нравственности и сострадания, индийцы тоже сумели объяснить: человек, живущий в роскоши, очень быстро теряет благодать, ибо, как известно, у роскоши есть свойство развращать. Из этого следует, что не стоит завидовать зажиточным людям: им крайне трудно устоять перед многочисленными соблазнами сансары. Соответственно, их шанс воплотиться в следующей жизни в нищего, раба или даже животное, либо вообще попасть на адскую планету, где, кроме ужасных страданий, нет вообще ничего – по-настоящему велик.

Таким образом, наше нынешнее, пусть даже относительно благополучное, существование, по версии буддизма, полностью обесценивается будущими невзгодами, которые, несомненно, станут результатом наших неблагоприятных поступков и страстных желаний, которые мы не в состоянии контролировать. Жизнь же, полная тягот и невзгод (в разумных, конечно, пределах) ценна тем, что заставляет задуматься и начать поиск путей ухода от страданий. А такой поиск, вполне вероятно, сможет привести на тропу духовного развития с последующим ростом и, в конце концов, окончательным освобождением.

Будда отмечал наличие трех так называемых ядов, приковывающих человека к Колесу Перерождения, или, как принято его еще называть, Колесу Становления. Яды эти: жадность или страстное желание, невежество и ненависть. Они, с одной стороны, являются порождением человеческой мысли, с другой – отравляют наше сознание. Отравленное же сознание не способно видеть истину. А когда мы не видим правды такой, какая она есть, мы начинаем придумывать себе нечто, что, как нам кажется, на эту самую правду похоже. Например, миф о бессмертной индивидуальной душе. Мы всё больше и больше погрязаем в заблуждениях, чем закрываем для себя возможность изменить свою судьбу.

Таким образом, собственным неправильным поведением и неправильными мыслями мы «набираем» все большее количество кармических долгов, которые необходимо будет отработать. Поэтому мучительный круговорот реинкарнаций становится для нас единственным доступным способом существования.

Однако было бы заблуждением думать, что так называемые «хорошие» поступки и «хорошие» желания дадут нам возможность вырваться из этого пагубного круговорота. Почему? Во-первых, не все то, что мы считаем «хорошим», в действительности является таковым. Примеры известны каждому. Недаром ведь существует поговорка: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Во-вторых, само разделение на «хорошо» и «плохо» является частью эффектов майи. Истинно благие поступки, безусловно, улучшат карму и обеспечат следующее рождение в лучших условиях, однако точно так же, как и «плохие», не позволят вырваться из колеса сансары. Ну, а на счет желаний мы уже знаем.

Единственное желание, не приносящее страдания, не вызывающее кармической реакции, привязывающей нас к этому миру, уходит за пределы материального мира – это желание полного освобождения, желание нирваны. Искренне поставив это желание во главу угла и живя истинной любовью и состраданием ко всем живым существам без

исключения – будь то комар или человек, неважно, – мы сможем распрощаться с порочным кругом, в который засосала нас сансара, причем даже за время одной-единственной человеческой жизни.

Почему мы подчеркиваем слово «человеческой»? Потому что считается: из всех существ материального мира – богов, демонов, голодных духов, населения адских планет, животных и людей – только люди имеют возможность освободиться. Боги, безусловно, падут в результате собственной гордыни. Демоны – эта форма жизни ни хорошая, ни плохая, просто она такая, какая есть – из-за негативного состояния ума. Голодные духи не способны думать ни о чем другом, кроме потребности утолить голод (вспомним, что и в христианстве чревоугодие является серьезным грехом!). Возможно, именно в таких существ воплощаются обжоры? Сознание существ в аду заполнено болью. Животными движут инстинкты. А вот люди... Буддийские мудрецы говорят, что воплощение существа в человека неимоверно ценно именно тем, что эта форма жизни – выпадающая чрезвычайно редко! – дает шанс вырваться из оков материального мира. И сознательно упускать такой шанс – беспросветная глупость. Именно поэтому буддизм, который (вспомним исповедовавших дзэн – одну из разновидностей буддизма, о которой мы подробно поговорим ниже, – японских самураев и принятый в их среде ритуальный суицид) в принципе не запрещает суицид в определенных ситуациях (самоубийство – это не убийство), не рекомендует укорачивать себе век. Какой смысл в самоубийстве, если за ним тебя снова ждет воплощение в мире сансары, причем не исключено, что в худшей форме и худших условиях.

Однако проблема человека заключается в том, что он так поглощен удовлетворением своих иллюзорных желаний, настолько погряз в своих ничего не стоящих повседневных делах, которые он ошибочно считает чем-то невероятно важным, что теряет напрасно время пребывания в драгоценном воплощении.

Что же касается самой реинкарнации, то хотелось бы обратить внимание на следующий момент: буддийская теория реинкарнаций в корне отличается от такой же теории в индуизме. Суть этого отличия в том, что никакой череды «рождений» и «смертей», вопреки бытующему распространенному заблуждению, буддизм не признает в принципе. И все по той же причине: никакого человеческого «я», никакой отдельно взятой души не существует. А если нет человеческого «я», значит, и умирать, равно как и рождаться, просто некому. Но что же тогда происходит с набором из пяти элементов, то есть человеческим существом, когда оно является в этот мир, якобы в нем существует и из этого мира уходит? А происходит следующее. Представьте себе калейдоскоп. Цветные стеклышки в нем – всегда одни и те же, что может послужить наглядным примером закона, говорящего о том, что ничто не берется из ниоткуда и в никуда не исчезает. Поворот калейдоскопа – и из тех же самых стеклышек сложилась уже совсем другая картинка. Эти стеклышки и есть наборы элементов, рассыпающиеся и складывающиеся вновь при каждом повороте калейдоскопа сансарического мира. Или вот другой, быть может, еще более понятный для некоторых пример. Представьте себе волну, которая, ко всему прочему, движется по кругу, с одной лишь разницей – эта волна состоит не из воды, а из энергии. Причем энергии пульсирующей, пульсирующей непрерывно, каждое мгновение. Вот именно этими-то энергетическими импульсами и является всё и вся в мире сансары. И мы с вами в том числе. Каждые импульс – это возникновение новой сущности, которую заменит следующая новая сущность с последующим новым импульсом. Этот момент в буддизме действительно сложен для понимания, но разобраться в нем стоит хотя бы уже потому, чтобы перестать заблуждаться насчет собственной вечности и неизменности, одного из главных и опасных заблуждений человеческого существа.

Хорошо, скажет читатель, но почему же тогда импульс, который мы ошибочно принимаем за собственное «я» и который каждое мгновение новый, чувствует себя существовавшим и вчера, и месяц, и годы назад?

Буддизм ответил и на этот вопрос: так происходит благодаря двум феноменам – памяти и карме. Память и карма – это то, что связывает между собой череду импульсов в сансаре, заставляя их чувствовать себя чем-то единым, неделимым и постоянным.

Исходя из всего вышеупомянутого, можно сделать два важных вывода. Во-первых, результатом наших неблагоприятных поступков и страстных желаний станет деградация, выливающаяся в воплощение в существо с более низким уровнем развития. Во-вторых, в этом мире все не навсегда. По этому поводу была сложена забавная история.

Как-то раз один человек пришел к мудрецу и стал жаловаться на судьбу. У него все было так плохо! Дом его сгорел, с работы уволили, со здоровьем не ладится, жена бросила, сын – разгильдяй! Человек попросил мудреца посоветовать, что же ему делать. Мудрец порекомендовал этому человеку сделать из доски табличку, написать на ней: «Это не навсегда!» – и повесить табличку на самое видное место. Человек так и сделал. Прошло полгода. Человек снова пришел к мудрецу. Он сказал, что, действительно, все в его жизни наладилось. Он нашел новую работу, отремонтировал дом, поправилось здоровье, вернулась жена, сын взялся за ум, он сам стал уважаемым человеком! Он спросил мудреца, как ему его отблагодарить? Мудрец вздохнул и ответил: «Не нужно мне никакой благодарности. Ты только табличку не снимай...»

Ниродха – Третья Благородная Истина, открытая Буддой, объясняет, каким же образом можно прекратить страдания.

Слово «ниродха» означает «контроль». В данном случае – контроль над страстными желаниями и привязанностями (напомним: ко всему и вся в этом материальном мире). Погасить огонь желаний можно, искоренив привязанности. Тот, кому это удастся, достигнет состояния, называемого нирваной.

Поскольку Будда не дал конкретного определения этого состояния, буддисты считают, что незачем ломать себе голову над тем, на что она похожа, поскольку человек, вошедший в нирвану, однозначно поймет, что с ним это случилось.

Описать состояние нирваны невозможно уже потому, что, во-первых, она есть нечто, полностью противоположное дуккхе, но это не общепринятый рай для некой конкретной души. И во-вторых, нирвана влечет за собой прекращение всего известного в мире сансары. То есть она даже не противоположность сансары (как противопоставление добро-зло), а нечто совершенно иное.

В этой связи некоторые люди могут посчитать нирвану чем-то негативным, ведь она отрицает все, что так дорого сердцу большинства обитателей этого мира. Но буддизм утверждает, что человек, достигший нирваны, есть самое счастливое в мире существо. Уже при жизни он избавляется от иллюзий и заблуждений и от связанных с этим страданий. Он познает истину и освобождается от всего, что угнетало его прежде: от тревог и беспокойства, от комплексов и навязчивых идей, от эгоистических желаний, ненависти, самодовольства и гордости, от давящего чувства долга. Он освобождается от желания что-то получить, он ничего не накапливает – ни физического, ни духовного, – поскольку понимает, что все, что может предложить нам сансара, есть обман и бессмыслица; не стремится к так называемой самореализации, связанной с иллюзией собственного «я». Он не сожалеет о прошлом, не надеется на будущее, живя одним днем. Он не думает о себе, он преисполнен вселенской любви, сострадания, доброты и терпимости. Понимая, что его жизнь есть страдание, такой человек, тем не менее, мыслит позитивно. Но эта позитивность в корне отличается от той, которую может испытывать обыкновенный человек, радуясь «прекрасной и удивительной» жизни (до тех пор, пока беды не разразились лично над ним), в то же самое время сознательно или подсознательно вытесняя из разума мысли о реалиях окружающего его мира. Например, о неминуемости смерти людей, которых он любит, равно как и о своей собственной. Такая позитивность, с точки зрения буддизма, не стоит ничего. Мало того – она опасна, ибо культивирует иллюзии.

А вот человек, соприкоснувшийся с нирваной, это спасение для мира. Он не бунтует в бесплодных попытках изменить мир, который невозможно изменить. Он стремится изменить себя, для того чтобы раз и навсегда избавиться от паутины сансары. Он спокоен и удовлетворен. Он счастлив, даже находясь в сансаре. Он смирился с тем, что вынужден находиться здесь какое-то время, и все его мысли и поступки направлены лишь на одно: на освобождение. А это благоприятно для всех живых существ.

Тут читатель может задаться вопросом: «А не является ли желание личного освобождения эгоистическим устремлением?» Банальным эгоизмом, против которого так протестует буддизм? Ведь даже если мы все единый организм, то когда одна конкретная совокупность пяти элементов (то есть человеческое существо) уходит в нирвану или паринирвану, все остальные, к сожалению, не уходят вслед за ним. На этот вопрос буддизм дает отрицательный ответ. Потому что желанием освобождения не управляет эго. Если бы было иначе – все попытки вырваться из колеса сансары

оказывались бы тщетными. Но это не так. Это требует постоянного самоутверждения, постоянной поддержки и признания со стороны других людей. Когда нас хвалят, мы горды и радостны. Когда осуждают – мы злимся или нервничаем. Когда при нас хвалят кого-то другого – мы ощущаем недоброжелательность и зависть к этому человеку. Все описанное – результат негативного состояния ума, сконцентрированного на собственном иллюзорном «я». При таком положении вещей, при такой беспросветной зависимости от чьего-то субъективного мнения и от собственных эмоций мы не можем считаться ни свободными, ни счастливыми, ни способными давать, ничего не требуя взамен. Достижение же нирваны исключает потребности подобного рода. Таким образом, никто, не искоренивший в себе эгоистические устремления, не способен достичь упомянутого состояния. Соответственно, тот, кто его достиг, является существом независимым и свободным. Но это еще не все – он способен видеть нужды других людей, способен разделять чужую боль, помогать жить другим, а не печься исключительно о своем собственном благополучии.

Здесь можно обратить внимание на еще одну сложность буддийского учения. Если, к примеру, христианство откровенно говорит о том, что наш мир – это мир зла и все возможные блага, связанные с понятием «счастье», могут ждать нас только после так называемого Армагеддона в новом, справедливом мире, переход в который для большинства даже праведных жителей Земли состоится только после их смерти, буддизм предлагает обрести счастье уже при этой жизни. И это при том, что любому претенденту на это самое счастье необходимо первым делом научиться состраданию, иначе говоря, развить способность чувствовать чужую боль, как свою собственную. Тот, кто хоть однажды в жизни ощутил, что это такое, скажет, насколько болезненно подобное состояние. Чувствовать такую боль и быть при этом счастливым – видимо, надо стать воистину просветленным, чтобы понять, как это возможно...

Буддизм сформулировал понятие «пяти помех», лежащих на пути к достижению нирваны. Вот эти помехи (ниварана): чувственность, слабоволие, лень, беспокойство, сомнения. Научившийся преодолевать помехи человек достигает понимания истины.

С другой стороны, буддийские мудрецы рекомендуют рассматривать собственные, мешающие жить чувства – вожделение (страстное желание кого-то или чего-то), страх, жадность, зависть, лень, равно как голод и жажду – как своих учителей. Ведь именно благодаря проблемам, которые они нам доставляют, мы учимся правильно мыслить, в результате чего у многих открываются глаза на то, что в действительности происходит в этом мире.

К сожалению, многие обитатели сансары ставят сиюминутные радости выше всего на свете. Настолько высоко, что даже сама мысль о том, чтобы хоть как-то ограничить себя – к примеру, в сексуальных утехах, азартных играх, потреблении алкоголя и никотина, застольях, бездумном просмотре телепередач и так далее и тому подобное, – является для них дикой. И никакие призывы к нравственности, никакие «сказки» о «загробном» существовании не помогут им измениться. Буддизм утверждает, что таких людей остается только пожалеть, ибо настоящее их бессмысленно, а будущее очевидно.

Теперь переходим к рассмотрению Четвертой Благородной Истины, сформулированной Буддой. Речь пойдет о нравственности. Четвертая Благородная Истина, или путь избавления от страдания, собственно и есть тот самый, открытый Сиддхартхой Гаутамой Серединный Путь, который также известен как Благородный Восьмеричный Путь Будды.

Восьмеричный Путь можно условно считать своеобразным лекарством от болезни – страдания, диагноз, причины и способ лечения которой подробно описаны в первых трех Благородных Истинах. Ведь недаром Будда сравнивал себя с лекарем, врачующим живые существа от самого тяжелого из существующих недугов – от дуккхи.

Восемь ступеней Восьмеричного Пути представляют собой три аспекта буддийской практики, включающей в себя праджню – мудрость, шилу – нравственное поведение и самадхи – дисциплину ума.

Мудрость объединяет в себя две ступени: правильное понимание – самма диттхи и правильное намерение – самма санкаппа. Нравственное поведение – еще три ступени – правильную речь (самма вача), правильные поступки (самма камманта), правильный образ жизни (самма аджива).

Дисциплина ума включает в себя тоже три ступени: правильное усилие – самма вьямана, правильно направленные мысли – самма сати, правильная сосредоточенность – самма самадхи.

Все ступени Восьмеричного Пути тесно переплетаются между собой, поэтому не следует их нумеровать в каком бы то ни было порядке. Будда утверждал, что прогресса на духовном пути можно добиться, только осваивая на собственном опыте каждую из упомянутых категорий в единстве со всеми остальными. Например, мудр тот, кто ведет правильный образ жизни, т. е. соблюдение правильного образа жизни есть мудрость.

Рассмотрев внимательно составные части Восьмеричного Пути, мы можем понять, что человек, вступивший на путь буддийского учения и стремящийся к освобождению, поступает иначе, чем человек, отдавшийся круговороту сансары. Видя в учении Будды возможность улучшить теперешнюю жизнь и навсегда расстаться с мучительной чередой рождений и смертей (для многих и одной смерти – близкого человека – хватит с головой, чтобы понять, что человеческая жизнь – это ад и что она не должна быть такой), он сверяет все свои мысли и действия с восьмью ступенями Великого Серединного Пути. Он старается поступать нравственно и с любовью ко всему живому, ибо иного способа что-либо изменить нет.

Мудрость заключается в умении задавать правильное направление своим мыслям, от этого зависит правильное понимание происходящего и собственные правильные намерения. Мудрость – это не выдающиеся интеллектуальные способности, которые, как и любые другие способности разума, являются кармическими свойствами. Интеллект может помочь в приобретении мудрости, может помочь рассеять заблуждения, но может и способствовать самообману.

Еще можно сказать, что мудрость – это результат того, что уже было проверено практикой, во главу угла которой были поставлены правильное понимание и правильные намерения.

Нравственное поведение означает развитие в себе сострадания, доброты, любви, великодушия и способности прощать. Все перечисленное проявляется в том, как и что мы делаем в этом мире. Правильно ли говорим, правильно ли поступаем, правильный ли образ жизни ведем. Благодаря такому образу жизни мы сумеем уменьшить страдания многих людей и свои собственные, очистим свой разум и откроем путь к полному освобождению.

Стоит обратить особое внимание на то, что нравственное поведение не должно восприниматься человеком как некий тяжкий долг, не должно быть обременительным. Оно должно быть искренним и естественным, а не нести на себе отпечаток мрачной решимости. Иначе от него будет мало проку.

Теперь расскажем о трех ступенях нравственного поведения. Начнем с правильной речи. Это способность не лгать, не клеветать и, что особенно важно, не лжесвидетельствовать. Лжесвидетельствование – грех больший, чем ложь, потому что всегда направлено против другого человека. Человек с правильной речью не должен использовать бранные слова, не должен сплетничать и потакать сплетням и раздорам вообще.

Следующая ступень – правильный поступок. Он нацелен на то, чтобы не причинять боль другим людям. Тут буддизм шагнул дальше христианства с его призывом к смирению в форме всем известного предложения подставить другую щеку. Буддизм предполагает возможность непричинения вреда другим даже в том случае, если эти другие тебя убивают или насилуют... Не совсем понятно, как с этим лозунгом увязываются воинствующие буддийские монахи... Но обо всем по порядку.

И третья ступень нравственного поведения – правильный образ жизни, рекомендуемый человеку не зарабатывать на жизнь деятельностью, которая может причинить вред другим живым существам. К такому бизнесу можно отнести торговлю оружием и алкоголем, забой животных, мошенничество в любых его формах.

Объяснить необходимость нравственного поведения очень просто даже без привлечения каких бы то ни было вероучений. Если человека обидели – в нем вспыхивает ярость и желание отплатить своему обидчику. Человеку свойственно действовать под влиянием эмоций и случайных порывов, не думая о последствиях.

Месть зачастую бывает намного более жестокой, чем нанесенная обида. Но даже если и нет, во что превратится мир, когда число таких конфликтных ситуаций будет расти? Вспомним бесчисленные войны, кровавый шлейф которых тянется едва ли не с самого начала человеческой истории. Вспомним бытующий у некоторых народов обычай кровной мести и то, к чему это приводит! Или еще один ярчайший пример – Ветхий Завет, в котором звучал призыв «око за око». Одни исследователи объясняют это как призыв к мести, в результате чего и вынужден был прийти новый Мессия – Христос с новым законом любви к ближнему, чтобы остановить кровопролитие. Другие же наоборот говорят не о призыве к мести, а о попытке органичить месть, убедить ведомых эмоциями людей соизмерять преступление с наказанием, не отнимать жизнь за то, что кто-то наступил тебе на ногу.

Посмотрев вокруг, мы можем увидеть, что подобные явления, к прискорбию, имеют место и в современном мире.

Причину происходящих в мире процессов буддисты видят в самом устройстве мира сансары как мира страдания и, кроме того, конечно же в кармической обусловленности, которая и обеспечивает поддержание сансары в неизменном виде. Однажды сделанная ошибка тянет за собой соответствующую негативную реакцию, неправильный ответ на эту реакцию – новую реакцию и так далее. Единственный способ изменить ситуацию – взять ответственность за нее лично на себя и принять категоричное решение никогда больше в этом не участвовать. На это мало кто способен. Но другого пути нет. Потому что на свете просто нет никакой другой инстанции, кроме нас самих, куда бы мы могли обратиться за помощью.

Итак, мы выяснили, что без нравственности ничего нельзя достичь. Но напомним читателю, что ступени буддийского учения нельзя рассматривать вне связи друг с другом. Поэтому и учение о нравственности не может быть постигнуто без мудрости и дисциплины ума. Равно как и наоборот.

Входящее в процесс дисциплинирования ума правильное усилие предупреждает и останавливает злые порывы, способствует формированию доброго состояния сознания. Без правильного усилия, без силы воли очень легко сбиться с пути, поддавшись многочисленным соблазнам сансары. Кстати, позиция, при которой человек решает «плыть по течению», предоставив возможность всему идти своим чередом, также является примером отклонения от правильного пути.

Правильно направленные мысли – это почва для правильного усилия. Как утверждают буддисты, при отсутствии правильного направления мысли усилия будут импульсивными, слепыми и бесполезными, а при отсутствии правильного усилия мысли будут пустыми и бессмысленными. Но без дисциплины ума в целом нравственность станет лишь тягостной обязанностью, а не естественным состоянием сознания.

Для того чтобы мысли всегда шли в нужном направлении, необходимо практиковать правильную сосредоточенность. Сосредоточенность, она же концентрация, очень важна в буддизме вообще и в практике медитации в частности. Считается, что правильная сосредоточенность служит основой всего учения о дхарме. Правильно сосредоточенный человек имеет возможность удерживать сознание в стабильном состоянии и не отвлекаться на сиюминутные интересы, не поддаваться эмоциональным порывам, чувствам и желаниям.

Разные течения буддизма по-разному осуществляют практику учения, однако все они сходятся в вопросе важности трех составных его частей и восьми ступеней Восьмеричного Пути, который для всех и для каждого закончится одним и тем же – таинством смерти. Будда говорил, что тот, кто прежде смерти сумел разрушить три главные зависимости – страстное желание, зависть и эгоистическую привязанность к существованию, – не должен бояться ни этого момента, ни того, что ждет за ним. Такой человек больше не будет страдать. Его разум будет включен в более высокое существование, в мир вечного покоя и вечного блаженства – мир нирваны.

История становления буддизма как одной из мировых религий

После смерти Будды его учение было подхвачено множеством ревностных поклонников, особенно в северной и центральной частях Индии, и какое-то время передавалось в устной традиции. Позднее были созданы соборы: в 480 году до н. э. – в Радшагрихе и 380 году до н. э. – в Вайшали, на которых учение канонизировалось и был

разработан текст так называемого послания Будды. Нельзя не заметить, что уже на втором соборе обнаружили различия в понимании того, чему на самом деле учил Будда. Впоследствии этот факт очень сильно повлиял на судьбу мирового буддизма в целом.

Несмотря на такие достаточно значимые события, буддийская сангха [14 – Saṅgha, saṅgha, (санскр. «собрание, множество») – название буддийской общины. Этот термин может употребляться для обозначения религиозного братства в целом. В более узком смысле – сонм существ, достигших определенной степени просветления. В широком смысле употребляется термин «четырёхчастная сангха»: община из монахов, монахинь, мирян и мирянок. Важно отметить, что миряне и мирянки отдельно сангху не составляют, а вот монахи и монахини могут быть названы сангхой безотносительно мирян.] была в те времена лишь ограниченной группой сторонников идей Сиддхартхи Гаутамы, а сам буддизм – одним из многих существовавших на то время религиозных течений. И можно смело утверждать, что он мог бы навеки остаться ограниченным культом, если бы с ним не случилось то, что произошло позднее с христианством, а именно: на него обратили внимание сильные мира сего.

Взлететь до небывалых высот, стать основной государственной религией буддизму помог могущественный правитель – император Ашока (как позднее христианству – римский император Константин), время правления которого считается «золотым веком» буддизма.

Правда, сам Ашока не сразу стал последователем учения. Как наследник престола он имел прекрасную возможность изучать разные духовные направления, чтобы затем выбрать то, что придется ему по душе. Начав посещать одну из буддийских общин, Ашока проникся идеями Будды и в скором времени стал последователем учения, оставаясь при этом мирским человеком.

В это время дед Ашоки, один из индийских правителей (его звали Чандрагупта), воспользовался неразберихой, возникшей в результате попытки одного из величайших полководцев, когда-либо известных истории – Александра Македонского – завоевать Индию, чтобы сколотить собственную империю. И ему это удалось.

В результате основанная Чандрагуптой династия стала править в южных и центральных районах Индии. Основным принципом, на котором строилась жизнь в образовавшейся империи, гласил, что управлять государством можно лишь с помощью наказания.

Около 272 года до н. э. Ашоке представилась возможность взойти на престол. Но на его пути встали многочисленные конкуренты. Началась жестокая борьба за власть. Нельзя сказать, что в это время Ашока уделял какое-то особое внимание сангхе. Однако по прошествии восьми лет, когда он правил уже не только своей империей, но и сумел завоевать некоторые соседние государства, Ашока снова и как никогда мощно проявил себя последователем учения. Исследователи предполагают, что кровавая резня, сопутствовавшая всей его (равно как и его деда) политической карьере, так глубоко потрясла Ашоку, что он принял окончательное решение. Он собрал в столице совет и провозгласил буддизм официальной государственной религией. Для самого Ашоки этот момент, похоже, был по-настоящему важен. Вряд ли ошибется тот, кто скажет, что император воистину проникся идеями буддизма, которыми он стал руководствоваться как в повседневной жизни, так и во внутренней и внешней политике. Вслед за императором и его окружение стало принимать буддизм, что повлекло за собой два важных момента. Во-первых, начался бурный рост числа последователей, а вместе с этим возросло количество пожертвований, что повлекло за собой усиленное строительство монастырей и культовых сооружений. Во-вторых, возник конфликт внутри самого монашеского сообщества. В буддийских канонах и хрониках было отмечено, что из-за создавшейся ситуации еретиков и самозванных монахов стало больше, чем истинно верующих. Но кто может вот так взять и определить, истинно или не истинно верующий другой человек? Тем более, если дело касается буддизма. Ведь учение Будды изначально отличалось гибкостью, что, собственно, и способствовало возникновению огромного количества его истолкований, каждое из которых вряд ли можно назвать как непреложной истиной, так и полной ересью. Как бы там ни было, но в те времена в результате возникшего конфликта в течение семи долгих лет те, кто считал себя истинно верующими, отказывались совершать церемонии в монастырях в присутствии тех, кого они относили к разряду еретиков. Только после личного вмешательства Ашоки конфликт был погашен, а недовольные монахи изгнаны из сангхи.

В 253 году до н. э. при содействии Ашоки состоялся третий буддийский собор в городе Паталипутре.

Этот собор занимает особое место в истории буддизма. На нем произошло окончательное разделение учения на два основных направления: тхеравада, что в переводе означает «путь старших», и махаяна – «большая колесница» (которые мы подробно рассмотрим ниже). После чего, несмотря на провозглашение принципов терпимости и человеколюбия, резко обострились отношения между последователями двух этих направлений. Кроме того, на третьем соборе было принято решение отправить миссионеров во все известные в те времена страны мира.

Ашока всячески поощрял проповедническую деятельность сторонников учения и тратил огромные средства на пожертвования и постройку буддийских сооружений изумительной красоты. Он отказался от захватнических войн, воспылав идеей завоевать мир путем обращения всех, в нем живущих, в буддийскую веру. Кроме земель собственной империи он содействовал отправке миссионеров в Бирму, Кашмир, Македонию и Шри-Ланку, в Гандхару (Пакистан), в страну ионов (эллинское государство, Северная Индия), в населенные районы Гималаев, в Суварнабхуми (западное побережье Индокитая).

Всеми силами способствуя распространению буддизма, Ашока, тем не менее, как истинный буддист не подвергал преследованиям и гонениям сторонников иных религий. Веротерпимость вообще можно считать главной чертой политики Ашоки, которой он придерживался в течение почти всего своего царствования. Он позволял последователям иных вероучений беспрепятственно свершать положенные их традицией обряды, надеясь проповедью помочь им осознать истинное положение вещей. Кроме того, он всячески выявлял к ним свое расположение. Ашока одаривал адживиков [15 – Адживики – последователи философско-аскетического учения в Древней Индии, предшествовавшего буддизму. Были бродячими странниками, верящими в то, что человеческая судьба не зависит от человека, а определяется суровым вневличностным космическим законом.] – главных соперников буддистов, посылал своих представителей в общины джайнов [16 – Джайны – (от санскр. «джина» – победитель) – последователи крупного, крайне мистического религиозного сообщества в Индии. Направление близко к буддизму, но возникло на много столетий раньше. Джайнизм утверждал, что на самом деле Гаутама Будда был лишь учеником одного из их святых. Джайнизм не признает авторитета Вед, верят в вечность материи, цикличность Вселенной и бессмертие умов людей и животных.] и к брахманам. Такая политика позволила Ашоке избежать опасного конфликта и с теми, и с другими, и с третьими. Кроме того, она помогла усилить позиции буддизма, который сумел стать необходимой идеологической основой проведения централизованной политики в многонациональной империи.

Последние же годы своего правления Ашока вообще посвятил тому, чтобы учение Будды как можно глубже проникло в сердца людей, населяющих подвластные ему территории. Правитель решил внедрять идеи буддизма через своих так называемых «посланников морали» и создал на основе буддийских принципов целый моральный кодекс, который приказал высечь на огромных каменных валунах и колоннах. Позднее на территории от Гималаев до Декана исследователями было обнаружено свыше тридцати таких удивительных и бесценных памятников.

Однако, несмотря на все усилия Ашоки, всего лишь через сто лет после его смерти новый правящий режим начал безжалостные гонения на буддистов. Может показаться невероятным, что одно из самых мирных учений на земном шаре могло помешать кому-то. Тем не менее это так. Причем, забегая вперед, можно добавить, что – на примере Тибета (см. главу «Буддизм в современном мире») – целенаправленное притеснение буддистов в некоторых регионах нашей планеты не прекращалось вплоть до последнего времени.

Но учение Сиддхартхи Гаутамы настолько глубоко проникло в сердца людей, что потребовалось свыше полутора тысяч лет для того, чтобы изгнать его с земли, на которой оно зародилось. В середине I тысячелетия буддизм лишился массовой поддержки народов Индии, уставших от бесконечного жестокого давления, и сохранился лишь в виде крохотных общин, которые жили при этом по законам индуистской кастовой системы.

И, тем не менее, никакие притеснения не смогли остановить победоносного шествия буддизма по нашей планете. Кроме достославного Ашоки была и масса других

Будда А. Корниенко Буддизм filosofff.org
выдающихся людей – теперь уже главным образом за пределами Индии, – поддержавших учение Сиддхартхи Гаутамы, не давших ему уйти в забвение. И то, что сегодня буддизм является вероучением с невероятным количеством последователей – в два миллиарда двести миллионов человек, – а также стал официальной религией ряда государств, в том числе Японии и Китая, безусловно, их заслуга.

Выйдя за пределы одной страны, буддизм стал религией мировой. И можно смело утверждать, что произошло это потому, что буддизм в первую очередь не нарушал ни местных религиозных традиций, ни местной культуры в целом, ни общественной структуры стран, в которых его принимали в качестве государственной религии. Буддизм, как правило, гармонично сочетался со всем вышеупомянутым, обогащая жизни людей своей колоритной философией и богатой литературой. Поэтому его охотно принимали как местные жители, так и – что, как мы уже знаем, особенно важно – правящие круги многих стран мира.

формы буддизма. Теория и практика течений, школы

То, что на втором буддийском соборе обнаружилось различия в понимании сути учения, не означает, что их не существовало ранее. Если даже сам Будда не давал четких определений многим вещам, о которых рассуждал, то что тогда можно говорить обо всех остальных. Люди очень разные, и естественно, что буддийская, равно, как и любая другая, традиция понимается и толкуется ими по-своему. И вряд ли за это их можно осуждать, ведь так происходит не по чьему-то личному коварному умыслу, а по причине собственного ужасающего несовершенства. Если бы было иначе – наш мир стал бы иным, намного более добрым и светлым. Но буддийская космология говорит о том, что в сансаре рассчитывать на подобное не приходится. Во всяком случае, не теперь, когда жизненный цикл Вселенной медленно, но неотвратно близится к своему концу. Если не появится какой-нибудь будда, способный, как некогда великий Амиитабха[17 – Будда Амиитабха (с санскр. буквально – «безграничный свет») – один из главных будд в махаяне и ваджраяне, самая почитаемая фигура в буддийской школе Чистой Земли. Считается, что он обладает множеством достойных качеств: поясняет универсальный закон бытия в Западном раю и принимает под свое покровительство всех, искренне взывавших к нему, независимо от их происхождения, положения или добродетелей.], силами собственного самоотречения, самопожертвования и сострадания спасти свою планету, вытянув ее целиком из колеса сансары, человечество ждет времена, когда эгоизм разовьется настолько, что каждый будет открыто ненавидеть каждого. Срок человеческой жизни сократится тогда примерно до срока жизни собаки. Люди не смогут выносить даже внешнего вида друг друга. Они разбредутся по планете, стараясь не встречаться, а при встрече сразу же будут пытаться убить друг друга. Безрадостная перспектива...

Итак, раскол в рядах сторонников буддийского учения, официальное начало которого, можно считать, было положено на втором соборе, ко времени третьего собора привел, как уже было отмечено выше, к разделению на две главные школы – тхераваду и махаяну. Учение махаяны стало популярным к северо-востоку и востоку от Индии, на территориях современных Китая, Японии, Кореи, Непала, Вьетнама и Тибета, в Монголии и на территории России – в Калмыкии, Бурятии и прочих регионах.

Тхеравада распространилась к югу и востоку – в современных Таиланде, Бирме, Шри-Ланке, Лаосе и других странах.

Всю дальнейшую историю развития буддизма исследователями и самими сторонниками учения принято рассматривать в контексте противостояния этих двух направлений. Последователей тхеравады махаянисты – в противовес себе самим – стали называть «хинаянистами», от слова «хинаяна» – «малая колесница» (правда, некоторые исследователи пытаются выделить хинаяну в отдельную школу, однако другие не согласны с подобной точкой зрения).

Малая – не малая, но источники говорят о том, что школа тхеравады – более древняя, чем школа махаяны, поскольку сформировалась она сразу после смерти Будды, а если выразиться еще точнее – тхеравадинами стали называть себя самые первые ученики гуру. Именно тхеравада стала наиболее консервативной ветвью буддизма, возможно, потому, что в нее вошли самые близкие к Учителю и фанатично преданные делу последователи, те, которые стремились сохранить каждое наставление, каждый эпизод из жизни Будды. Многие тхеравадины верили в

божественную сущность Будды, иначе говоря, считали его богом, воплотившимся в человеке. Вообще для древнеиндийской традиции характерно восприятие неординарного человека как божества. Тем не менее для основной массы последователей тхеравады Будда был человеком, который обрел просветление и показал всем остальным, как достичь того же самого. Интересный момент: буддизм утверждает, что, как только человек становится буддой, он тотчас перестает быть человеком. Ведь человек – это одно из существ мира сансары, подверженное страданиям, смерти и перерождениям. Для будды же все эти горестные моменты перестают существовать в принципе.

Достижение просветления понималось тхеравадинами как самое что ни на есть буквальное следование образу жизни Будды Шакьямуни, практике его победоносной медитации под деревом Бодхи – а мы помним, как все это происходило, что зачастую приводило к летальному исходу, причем без какого-либо подтверждения обретения просветления адептом. Тхеравада была монашеской общиной, по естественным причинам зависящей от мирян и, тем не менее, совершенно не ориентированной на них. Тхеравадины пользовались их услугами, но сами, в отличие от собственного Учителя, пеклись только об одном – о личном спасении.

Высочайшая цель человеческой жизни, по мнению тхеравадинов, заключается в том, чтобы за время своего существования человек успел стать арахантом – существом, вырвавшимся из оков материального мира. Безусловно, это высокая цель, ведь считается, что араханты после смерти сразу отправляются в нирвану, они полностью освобождаются от перерождений и мук, связанных с ними. Таким образом, арахант – это идеал тхеравады.

Многие буддийские мыслители ломали головы над тем, в чем именно заключается разница между арахантом и буддой? Итог их размышлений таков: арахант – именно тот, кто первоочередной целью видит личное спасение, будда же – спасение всех остальных. В связи с этим последователи махаяны пришли к выводу, что, с точки зрения альтруизма, их собственное стремление стать буддой является более высоким, в сравнении с идеей личного ухода в нирвану, бытующей среди последователей тхеравады.

Махаяна – или «северный буддизм» – это наиболее мощное направление учения, собравшее под свои знамена самое большое количество последователей. Как самостоятельное направление махаяна сформировалась приблизительно в I веке до н. э. – II веке н. э. В это время появились первые махаянские сутры. Для махаяны – в отличие от тхеравады – характерны пышные культовые церемонии. Сутью махаяны является идеал будды – бодхисаттвы[18 – Бодхисаттва (санскр. «бодхи» – пробуждение, просветление; «саттва» – существо) – одно из важнейших понятий буддизма.], основой которого служит бодхичитта[19 – Бодхичитта – посылку санскр. «читта» – это содержимое разума, которое необходимо контролировать, то слово «бодхичитта» можно перевести как «просветленный разум», «разум, правильно взятый под контроль».], и, кроме того, метафизическое[20 – Метафизика (с греч. «то, что после физики») – раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы вещей, бытия и мира, как такового.] понимание природы будды. Бодхисаттва – в традиции тхеравады – это будущий будда вообще. Но в махаяне любой буддист стремится достичь состояния Будды не с целью личного спасения, а для того, чтобы помочь всем остальным живым существам достичь того же. Считается, что бодхисаттва, достигнув просветления, намеренно не уходит в нирвану, а остается в мире сансары и учит остальных жаждущих тому, как избавиться от страданий. Бодхисаттвы, как воплощение религиозного альтруизма, являются идеалом и целью всей махаянской традиции.

С бодхичиттой дело обстоит несколько сложнее. Бодхичитта – это особое поведение в традиции махаяны, а точнее – это умение воспринимать всех живых существ как своих матерей. Довод к возможности или даже необходимости подобного взгляда следующий: если все мы целую вечность находимся в круговороте сансары (у которой никогда не было начала), то каждое существо уже приходилось нам кем-то, и мать в том числе. Поэтому мы, как любящие дети, не можем желать уйти в нирвану, оставив свою мать на дальнейшие мучения в сансаре. Наша обязанность – отложить собственное спасение до тех пор, пока нам не удастся спасти свою мать. Следовательно, можно утверждать, что на основании бодхичитты возникает бодхисаттва.

Важным моментом в буддизме махаяны является так называемая трикая, или доктрина

Трех Тел (Трех Сом Будды). Трикая – это три тела Будды на разных уровнях существования. Что же это за тела? Первое тело – это нирманакая, Созданное Магическим Образом, то есть оформленное, воплощенное тело исторического Будды Шакьямуни, явившего себя этому миру для проповеди учения о дхарме заблудшим людям (примерно такое же место занимает в христианской Святой Троице личность Иисуса Христа). Второе – дхармакая, Тело дхармы – вечный и нерушимый принцип истины, стоящий вне пространства и времени и который образно можно назвать Телом учения Будды. И третье – самбхогакая, или Тело Блаженства – это, образно говоря, тело, обретенное историческими буддами посредством их неисчислимых заслуг и высокой медитации, в котором они наслаждаются нирваной. Считается, что, пребывая именно в этом теле, будды общаются с бодхисаттвами и йогинами, давая им необходимые наставления и поддержку.

Главными философскими школами махаяны считаются мадхьямика (от санскр. «середина») и йогачара (санскр. «йога» – связь; «йогачара» – практика йоги). Основателем мадхьямики, сформировавшейся предположительно во II веке, считается полупоупендарный буддийский мыслитель Нагарджуна. Главным вопросом мадхьямики был и остается вопрос реальности дхарм (иначе говоря, реальности реальностей). Мадхьямика является критическим направлением, и – если говорить в общих чертах – основа видения мира ее последователей – утверждение, что так называемая абсолютная реальность отсутствует в принципе. Само же данное утверждение базируется на понятии относительности. Поскольку ничего не существует само по себе – а абсолютная реальность может считаться абсолютной, лишь существуя сама по себе, – то любые реальности, любые дхармы не реальны, не нереальны, то есть они пусты. Пустота – это именно тот, «серединный» ответ на вопрос о реальности дхарм, от которого и произошло название всей школы. Отсюда же и другое название мадхьямики – шуньявада (пустота).

В связи с таким положением вещей мадхьямика отрицает существование первоосновы, с которой бы все начиналось и которой все заканчивалось, она не признает любых философских концепций в качестве истин, называя их лишь путями к истине. Саму же истину, по ее мнению, если и возможно постичь, то только путем йогического созерцания.

С другой стороны, мадхьямика – в отличие от йогачары – соглашается с тем, что существует объективный мир, хотя подчеркивает, что наличие онго невозможно ни проверить, ни доказать. Но поскольку принимать объективный мир более естественно для человеческой психики, чем его отвергать, мадхьямика тоже, без лишнего преувеличения, готова согласиться с этим моментом.

Йогачара (иначе «читтаматра» – «только сознание» или «виджнянавада» – «путь познания») – учение, сформировавшееся в IV–V веках нашей эры. Йогачара получила широкое распространение в Японии, Китае, Тибете и Монголии и была представлена рядом школ, утверждавших, что абсолютная реальность все-таки существует и ею является сознание.

Следующая буддийская школа, о которой хотелось бы поговорить, называется школой Чистой Земли. Эта школа является одной из школ махаяны. Она была основана в Китае известным монахом Хуэй Юанем в конце IV – начале V века и быстро стала невероятно популярной. Ее учение базируется на идее Чистой Земли Амитабхи, или Амиды (в японском варианте). Что же такое Чистая Земля? Чтобы это понять, необходимо прежде всего усвоить одну истину буддийской космологии, гласящую, что кроме нашей Земли, входящей в качестве так называемого среднего мира в тройственную планетарную систему, существует бесчисленное множество аналогичных параллельных миров. Махаянские источники утверждают, что некоторые из таких миров были очищены от негативного влияния сансары буддами и бодхисаттвами (или просто созданы ими магическим образом), став, таким образом, территориями, огражденными от страданий и населенными святыми существами – теми же буддами и бодхисаттвами. Такие миры стали называться «полями Будды» (интересно, что и в древнеегипетской мифологии говорится о существовании неких «полей Иалу» – бесконечно прекрасных мест, куда после смерти попадают праведники для вечной благодатной жизни) или «землями Будды». Вообще подобных «полей» или «земель» очень много, но лишь одно из них – Сукхавати («Земля Блаженства») благодаря силе обетов создавшего это место Будды Амитабхи имеет совершенно особое назначение – стать прибежищем любого человека, уверовавшего в Амитабху и пожелавшего принять его помощь. Считается, что много веков тому назад монах по имени Дхармакара, движимый могучей силой сострадания ко всему живому, поклялся стать буддой и спасти весь свой мир. И это ему удалось. С тех пор бывший монах Дхармакара стал

зваться буддой Амиабхой, а все живые существа, родившиеся на спасенной им Чистой Земле, имеют самые лучшие условия для духовного роста под его личным руководством с последующим уходом в нирвану. Надо отметить, что даже акт рождения в Чистой Земле происходит не так, как обычно рождаются люди, а из цветка лотоса...

Учение школы Чистой Земли Амиабхи утверждает, что поскольку в этом материальном мире обыкновенному человеку невероятно трудно строить свою жизнь согласно высоким требованиям самосовершенствования и достичь просветления, то для спасения от оков сансары ему необходимо полностью положиться на Амиабху и с твердой верой повторять его имя. В этом случае карма такого человека будет трансформироваться согласно великим обетам Амиабхи, в результате чего уверовавший в этого будду, даже ведя жизнь, предельно далекую от благочестивой, после смерти родится на Чистой Земле. Если грехи его слишком велики – к примеру, он несет на себе тяжесть убийства, то на Чистой Земле он будет пребывать в бутоне лотоса до тех пор, пока его карма не исчерпается. Махаянские источники говорят о том, что если человек всю свою жизнь не верит в Амиабху, но перед смертью или в момент ее десять раз повторит его имя, Амиабха придет за жаждущим спасения и отведет в свою Чистую Землю.

Особенно распространенной школа Чистой Земли стала в VI–VII веках, в Японию же попала позднее – в XII веке. Основанная японским монахом школа Истинной веры Чистой Земли и сейчас является самой популярной ветвью буддизма в этой стране. И неудивительно: немногие из наших современников не согласятся с тем, что медитативные и йогические практики других форм буддизма чрезвычайно трудны – или вообще недоступны – для погрязшего в рутине среднестатистического человека. Человека, у которого нет ни времени, ни желания практиковать длинные и сложные молитвенные обряды, изучать философию и утомлять дух и тело, даже «серединными» буддийскими аскезами. Вера в спасительные силы Амиабхи (как и в христианстве в спасительные силы Христа) для многих это действительно единственный путь.

Следующая школа, о которой пойдет речь дальше, называется чань в Китае и дзэн в японском варианте. Оба слова являются производными от индийского слова «дхьяна» – медитация. Другое, правда, малоизвестное, ее название – Сердца Будды. Согласно ее учению, наиболее эффективной является «передача просветления» от сердца к сердцу, то есть напрямую от учителя к ученику.

Школа медитации была основана индийским монахом – брахманом Бодхидхармой, жившем в VI веке, который и стал первым патриархом чань, приехав в качестве проповедника в Китай. При этом на родине он выступал в роли двадцать восьмого патриарха в так называемой цепи ученической преемственности – духовные знания, как мы помним, распространялись в этой стране только в среде брахманов, от учителя к ученику. Поэтому для этого направления буддизма списки преемственности Дхармы, содержащие информацию о последовательной передаче пробуждения – «передаче светальника» – от учителя к ученику, который, в свою очередь, становится учителем, чрезвычайно важны. Согласно же буддийскому канону, основателем чань/дзэн, как и буддизма вообще, считается сам Будда Шакьямуни.

Из учения чань/дзэн следовало, что буддизм можно понять и постичь, лишь внимательно наблюдая за собственным сердцем и контролируя разум. Последнее же вещь крайне необходимая, но невероятно трудная из-за того, что разум вообще субстанция трудно управляемая. Многие индийские (да и не только) духовные учителя сравнивали человеческий разум с бешеной обезьяной, скачущей с ветки на ветку. Подумаем, легко ли контролировать такое животное? Вот именно поэтому как сама медитация, так и элементы подготовки к ней – сосредоточение, концентрация – зачастую бывают для обыкновенного человека чрезвычайно трудны, если вообще достижимы.

Бодхидхарма отказался от скрупулезного изучения священных книг и философских дискуссий, считая медитацию самодостаточным методом достижения буддийской цели – просветления. Ведь если человек сосредоточит весь свой разум на этой единственной цели – стать буддой, то есть тем, кем он, собственно, и является изначально, если поставит это устремление во главу угла – все то, что мешает ему, что привязывает его к иллюзорному миру сансары, отпадет само собой. А когда это случится, и произойдет то, что называется просветлением. Разум интуитивно увидит истину, а человек – свою подлинную природу, природу будды. Обретение состояния будды в течение всего одной жизни – это цель чань/дзэн.

До середины IX века школа чань не имела особого влияния в Китае, поскольку

тогдашний император У-цзун больше благоволил последователям даосизма [21 – Даосизм – традиционное китайское учение, включающее в себя элементы мистицизма, шаманизма, религии, медитативные практики, науку и философию.], от которых надеялся получить эликсир бессмертия. Последователи чань даже не имели своих монастырей, поэтому находили прибежище в школе Винай [22 – Школа Винай (санскр. «правила, дисциплина»), иначе школа Люй – одна из разновидностей дальневосточного буддизма. Главным в этой школе считалось исполнение монахами определенных правил и норм. Виная в широком смысле – свод правил буддийской монашеской общины, зафиксированный в канонической литературе. По мере возникновения новых направлений в буддизме, возникали и новые варианты Винаи.]. Но уже в X–XI веках чань/дзэн превращается в одну из основных школ с большими монастырями и духовной иерархией, той самой, против которой и выступал основатель буддизма Будда Шакьямуни...

Учение чань быстро распространилось и в других странах. Оно импонировало и китайцам, так как имело много общих черт с популярным в Китае даосизмом; и японским воинам-самураям, которые предпочитали обретать сатори – чистое понимание, используя технику дзэн, вместо досконального изучения философских трактатов; и вьетнамцам, в стране которых в X–XIV веках учение дзэн фактически было официальной государственной идеологией; и корейцам, вплоть до распространения конфуцианства.

Еще в начале своей эволюции школа дзэн пережила серьезный конфликт. Дело в том, что некоторые ее последователи считали, что просветление – не постепенный процесс, то есть оно происходит мгновенно, как удар молнии, или так, как приходит неожиданное решение трудной задачи или отгадка загадки, над которой ты долго ломал голову. Вот по этому-то поводу в среде дзэн-буддистов начались дебаты и даже произошел раскол. В конце VII – начале VIII века школа разделилась на Северную и Южную. Южная утверждала, что просветление наступает мгновенно, Северная, напротив, – постепенно. Почему же так произошло? То ли за просветление принималось то, что на самом деле не было таковым, то ли процесс осознания истины действительно у всех разный? Как бы там ни было, но примерно к середине IX века Северная школа прекратила свое существование, а Южная разделилась на пять направлений, или «домов», два из которых существуют и поныне. Это Риндзай (по-японски), или Линьци (так ее называют китайцы), основанная китайским монахом Линьци И-сюанем, и Сото. Эту школу основали Цаошань Бэнь-ци и Дуныпань Лян-цзе. Школа Риндзай опирается на технику коанов – специфических вопросов-ответов или парадоксальных диалогов, в результате которых, считается, стимулируется некий интуитивный прорыв сознания и наступает просветление. Распространенный пример коана – вопрос: «Что такое звук хлопка одной ладони?» Школа Сото базируется на технике молчаливого сидения в традиционной позе со скрещенными ногами.

Впрочем, все направления дзэн рекомендовали монахам пребывать в состоянии медитации (внутреннего созерцания) постоянно, при любых видах деятельности и особенно при занятии физическим трудом, который являлся обязательным элементом их жизни. А духовно продвинутые монахи должны были уметь практиковать созерцание даже во сне.

Хотелось бы добавить несколько слов относительно того, почему для дзэн имел немалое значение труд. Дело в том, что данное направление буддизма не поощряет аскетизма и изолированности, а, напротив, всячески приветствует участие человека в жизни как таковой, чтобы реализовать свой духовный потенциал. А труд вообще – и особенно спокойный и несложный – этому способствует. Предаваться труду, как и любому земному делу, рекомендовалось целиком и полностью, не автоматически и не рассеянно, а осознавая себя в каждый момент своей деятельности. И, уж конечно, не с чувством страдания или обремененности, а с легкостью и радостью – тогда и результат, считается, будет поистине великолепным, независимо от того, рубит ли человек дрова или пишет картины, моет ли пол или управляет государством.

Можно сказать, что именно отсюда в какой-то мере вытекает и другой важный, хотя и очень не простой для понимания, момент в дзэн, а именно утверждение, что между жизнью и смертью, добром и злом, сансарой и нирваной, мудростью и глупостью и так далее – и, соответственно, между прачкой и царем, лесорубом и премьер-министром – нет принципиальной разницы. По-видимому, тот, кто сможет это осознать, сможет осознать и свою истинную сущность – сущность будды...

Дзэн-буддизм оказал колоссальное влияние на культуры разных народов, особенно на

японскую культуру. Это влияние можно заметить и в поэзии, и в искусстве икебаны, и в чайной церемонии – наглядных примерах типичного дзэн-буддийского парадокса, исходя из которого повседневность и чудо просветления – одно и то же.

Теперь хотелось бы коснуться еще одного направления, начавшего зарождаться во второй половине I тысячелетия н. э. на базе буддизма махаяны. Называется оно ваджраяна, или тантрический буддизм, который можно считать заключительным этапом развития буддизма на территории Индии.

Многие наши современники часто связывают слово «тантра» со словом «секс». Вынуждены их разочаровать: тантра, как и сутра, означает только лишь тип текстов, в которых изложено учение, а не какую-то его особую направленность. В переводе слово «тантра» означает «тянуть, растягивать некую основу», то есть можно сказать, что тантра – это текстовая основа, база учения. Но при этом стоит сделать оговорку: насколько само слово «тантра» не имеет отношения к сексу, настолько же тантрические практики связаны с ним. Вопреки настойчивым призывам самого родоначальника буддизма Будды Шакьямуни к соблюдению целибата – обета полного полового воздержания – среди своих учеников. Обета, надо заметить, весьма популярного в монашеской среде последователей и многих других учений, в том числе православия и католицизма. При поверхностном знакомстве можно было бы сказать, что ваджраяна вообще забыла (если не предала) и дхарму, и сангху, и заветы основателя буддизма. Но не все так просто...

Ваджрой первоначально называли скипетр индийского ведического бога Индры, властителя райских планет. Еще одно значение этого слова – «алмаз». «Яна» означает колесница. В буддизме ваджра ассоциируется с пробужденным сознанием, природа которого несокрушима, как алмаз, с одной стороны, и стремительна, как несущаяся колесница – с другой. Поэтому ритуальная буддийская ваджра – это тоже особый вид скипетра, символизирующий пробуждение и просветление и, кроме того, сострадание.

Несмотря на то, что в отношении «мудрости» практика ваджраяны не многим отличается от практики махаяны вообще, тем не менее методы Алмазной Колесницы очень своеобразны. Ваджраяна утверждает, что ее методы в состоянии обеспечить адепту самое стремительное просветление в сравнении со всеми остальными, существующими духовными практиками. Наряду с этим учителя тантрического буддизма подчеркивают и особую опасность их пути, который они сравнивают с восхождением к вершине горы по канату, натянутому над пропастью.

В чем же заключается опасность тантры? Считается, что даже самая мизерная ошибка на пути ваджраяны способна привести практикующего этот путь человека к безумию или к следующему рождению в особом тантрическом аду. Залогом же успеха являлось бескорыстное стремление как можно скорее сделаться бодхисаттвой на благо всех живых существ, а эгоистическая погоня за личной силой и магическими способностями неминуемо грозит духовной деградацией со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями. В связи с этим считалось необычайно важным принять должное посвящение от полностью реализовавшего себя гуру, на поиски которого начинающие сторонники тантризма тратили невероятное количество сил и времени. Такое положение вещей также можно считать очередным противоречием утверждению Будды Шакьямуни, что человеку для обретения просветления не нужен никто. Однако не стоит и в этом случае спешить с выводами. Все дело в том, что практика ваджраяны изначально подразумевает наличие опытного, говоря иначе, уже просветленного наставника. Такой наставник выступает не в роли посредника (поскольку, как мы помним, высшей инстанции не существует, и поэтому быть посредником в принципе невозможно), а учителя и помощника, без которого, как мы увидим дальше, ставшим на путь тантрического буддизма (особенно некоторых его разновидностей) соискателям действительно не обойтись.

По причине важности и таинственности обряда посвящения и наличия очень серьезных психопрактик, которыми пользуются некоторые тантрические йогины, ваджраяна стала считаться тайным мистическим учением. В связи с чем она начала именоваться еще и Колесницей Тайной Тантры.

Тантры ваджраяны – как мы уже выяснили – представляют собой текстовые наставления, якобы данные когда-то своим последователям самим Буддой Бхагаваном [23 – Бхагаван – санскритский термин, используемый в индуизме по отношению к Верховной Личности Бога или Абсолютной Истине (примерно то же, что и Бог в христианском понимании)]. В буддизме этим титулом также именуют Гаутаму

Будду, других будд и бодхисаттв. В современном мире термин часто применяют при обращении к духовным учителям в Индии.]. Тантры делятся на четыре группы: крия, чарья, йога и аннутара йога. В группе крия-тантр входили так называемые тантры очищения, чарья – тантры действия, йога – это, соответственно, йогические тантры, аннутара йога – тантры высшей йоги. Группа аннутара йога-тантр, в свою очередь, разделялась на материнские (если упор в них делался на мудрость и женское начало) и отцовские (если ударение в них падало на искусные методы и мужское начало). Кроме того, существовали так называемые недвойственные тантры, если оба вышеназванных принципа находились в них равновесии.

Каждой группе тантр соответствовали свои собственные особые практические методы. В крия-тантрах наиболее важными считались внешние формы практик, особенно мистические ритуалы. В чарья-тантрах – и внешние, и внутренние созерцательно-медитативные практики.

В йога-тантрах прослеживается уже явное превосходство внутренних методов над внешними, в аннутара йога-тантрах – исключительно внутренние психопрактики.

В практиках ваджраяны первых трех групп тантр колоссальное значение имеет чтение мантр[24 – Мантра (санскр. «орудие осуществления психического акта») – имеющие глубокий сакральный смысл сочетания звуков и/или слов на санскрите, требующие точного воспроизведения. Мантры имеют ведическое индуистское происхождение; позднее были адаптированы буддизмом и джайнизмом. Для лучшего понимания мантры можно сравнить с молитвами и заклинаниями.], а также визуализация – зрительное представление божеств как живых существ, с которыми можно беседовать. В этой связи ваджраяну вообще (а иногда это касается только первых трех групп тантр) называют мантражной, то есть Колесницей Мантр.

Что же касается высшей йоги – она использовала по мере необходимости все вышеназванные методы. Однако кроме них аннутара йога практиковала совершенно особые методы, не только не свойственные, но и, казалось бы, противоречащие буддизму как таковому вообще. Именно коснувшись методов высшей йоги человек начинает понимать, почему столь велика роль гуру в практике ваджраяны. Методы эти на первый взгляд – вплоть до того, пока адепт не обретет просветление или, как минимум, некий генеральный опыт – могут показаться столь шокирующими, что потребуются воистину абсолютная вера и в дхарму, и своего учителя, чтобы решиться пойти на такое.

Так что же это за таинственные методы, практикуемые пассажирами самой скоростной из всех буддийских колесниц, способных домчать вас к намеченной цели? Методы эти, рекомендуемые тантрическими текстами последователям аннутара йога-тантры, к примеру, таковы: убийство, воровство, прелюбодеяние, кровосмешение, каннибализм. И так далее, и тому подобное. То есть все то, что принято считать наиболее греховным. Возможно, в этот момент читатель воскликнет: «Но ведь это все говорилось, вероятно, в переносном смысле!» Что до переносных смыслов и иносказаний, то их в ваджраяне действительно много. Любой текст тантр не стоит воспринимать дословно (как и библейские сюжеты, собственно говоря). Считается, что истолкование тантрических текстов варьируется в зависимости от уровня духовного развития того, кто их истолковывает. Но все дело в том, что однозначные рекомендации так называемых «греховных» действий тоже имеют место. С чем это связано? Судя по всему, с мнением о том, что порок, так или иначе, в большей или меньшей мере гнездится в глубине каждого человеческого существа. И этот порок не дает ему видеть свою истинную природу. Если бы это было не так, человек стал бы полностью просветленным – буддой, его не от чего было бы очищать. Пороки человека, мешающие ему очиститься, иногда бывают сокрыты настолько глубоко, что индивид даже сам не в состоянии их осознать. А это тупик. Поэтому ваджраяна вообще, а тем более высшая йога, не теряя времени, сразу начинает работать с подсознанием адепта. Она стремится как бы изнутри подойти к проблемам каждого человека, быстро выявить причину этих проблем и помочь самому человеку осознать ее. После чего любой порок можно будет трансформировать в достоинство. Именно так работает тантра: не уничтожение или подавление пороков считает она способом возвращения человека в состояние будды, а трансформацию всего негативного в позитивное. Такая трансформация возможна исключительно после того, как пагубные для духовного развития аффекты: желания и страсти, привязанности и влечения, находящиеся зачастую в скрытом, подавленном состоянии, – будут подняты из глубин подсознания и осознаны субъектом. И только после этого наступала очередь очищения сознания. И с самого начала огромная роль во всем этом процессе – не без оснований – отводилась гуру. Только опытный

Будда А. Корниенко Буддизм filosoff.org
наставник мог подобрать правильный метод выявления аффектов у каждого конкретного ученика. Иногда это были методы мягкие и гуманные, а иногда, как говорится, клин клином вышибали.

Теперь поговорим о сексуальных практиках тантры. Дело в том, что состояние оргазма считается тантрическими йогинами наиболее адекватным блаженству нирваны. Потому они стремятся переживать это состояние наиболее интенсивно, используя его в целях психопрактики. Кроме того, поскольку, как уже было отмечено выше, в понимании ваджраяны мудрость – это женское начало, а искусные методы – мужское, объединение же того и другого дает в итоге просветленное сознание, то не удивительно, что в тантрическом понимании обретение состояния будды имеет вид находящихся в соитии пар божеств. Причем, среди йогинов, не принимавших монашеских обетов, действительно имели место сексуальные ритуалы, в которых партнеры, однако, отождествляли себя с божествами. Правда, те из последователей тантризма, кто становились монахами, ограничивались визуализацией сексуального акта в уме посредством все тех же божественных пар и отождествления себя с ними.

Тут стоит обратить внимание на факт «привлечения» божеств в тантрический сексуальный ритуал. Самим этим моментом адепты тантризма, по всей видимости, хотели подчеркнуть глубочайшую разницу между сансарическим совоплощением обыкновенной человеческой пары и, пускай в некоторой степени телесным, тем не менее, все же глубоко духовным сексуальным актом ваджраяны. Потому что тантрическая йога – это вовсе не учение о техниках секса ради удовлетворения своих плотских инстинктов и чувственного удовольствия, как считают некоторые. Это сложнейшая система психотехник, разработанная именно для достижения высокой духовной цели.

В настоящее время существует две ветви махаяны – дальневосточная (к примеру – уже знакомый нам дзэн) и тибето-монгольская. Интересный факт: видимо, только лишь в одном месте – у народа неваров в Непале – до сих пор сохраняются элементы древнеиндийского буддизма, исчезнувшего в самой Индии еще в XIII веке.

Было бы ошибкой думать, что в наше время не возникают новые направления и течения в буддийском учении.

Например, в начале XX века в семействе дальневосточного буддизма махаяны прибавилось новое направление, которое стало именоваться как общечеловеческий или гуманистический буддизм. Его снователями являются китайские буддисты Тай-суй, Оуян Цзинью и Люй Чэн.

Это направление буддизма получило распространение на Тайване и в Гонконге. Главное его отличие от всего того, что уже было создано ранее, состоит в том, что гуманистический буддизм принципиально противопоставляет себя буддизму монахов и отшельников. Базируясь на махаянской концепции бодхисаттвы – жертвенного служения людям, – гуманистический буддизм говорит о чрезвычайной важности благотворительной и образовательной деятельности, с чем трудно не согласиться.

В 1968 году почтенным Сангхаракшитой была создана организация «Друзей западной буддийской общины» (FWBO). «Друзья западной буддийской общины» – монашеская сангха, состоящая из мужчин и женщин – отличается от большинства буддийских общин во всем мире тем, что старается гармонично объединить свои идеалы и практики с условиями современного западного общества. Община сформировала свою собственную традицию, которой и следует.

Члены общины не являются монахами и монахинями в традиционном смысле этого слова, поскольку не ведут нищенский образ жизни, однако мирянами их тоже трудно назвать. Образ жизни у членов общины разный, но правила, по которым они строят свою жизнь, не идут вразрез с буддийскими наставлениями.

Священные книги буддизма

Во времена Будды Шакьямуни и некоторое время после его смерти буддийское учение, как нам уже известно, передавалось из уст в уста учениками великого гуру. После

того как на первом буддийском соборе – хотя, «собор» – это слишком уж громкое слово для первого съезда последователей Сиддхартхи Гаутамы – учение Будды было канонизировано, был разработан и текстовый его вариант.

Принято считать, что первые тексты, они же священные книги, буддизма были написаны монахами тхеравады под диктовку трех самых близких учеников Будды – Ананды, Махакашьяпы и Махамаудгальяны, которые по памяти воспроизводили все, чему учил их Будда.

Но при словах «священные книги» читатель не должен представлять некие увесистые тома в красивом золоченом переплете с торжественной надписью «Учение Будды», поскольку они, равно как и текст заповедей, данных библейскому Моисею, выглядели совсем иначе...

Так как же выглядели первые буддийские книги? Эти книги представляли собой пальмовые листья, на которых они и были написаны, и получили название «Закон Пали», или «Типитака» («Трипитака»), что в переводе означает «Три корзины» (в Древней Индии писали на пальмовых листьях, которые потом носили в корзинах).

Написаны эти книги были на древнем разговорном индийском языке пали, который считается переходной формой от санскрита к современным индийским языкам и на котором говорил и сам Учитель. Буддийская традиция утверждает, что сам Будда был против того, чтобы его учение переводилось на санскрит – язык, на котором были написаны священные индийские книги Веды, поскольку желал, чтобы каждый мог изучать буддизм на понятном ему языке. Тем не менее позднее, когда в Индии возникло огромное количество всевозможных диалектов, на каждый из которых просто невозможно было перевести текст учения, буддисты вынуждены были вернуться к санскриту. Однако санскритская «Типитака» до нас не дошла. Когда в XIII веке мусульмане завоевали Бихар и Бенгалию – последние опорные пункты буддистов на территории Индии, началось массовое сожжение монастырей вместе с их библиотеками.

Но стоит также отметить, что в истории буддийских книг есть один весьма щекотливый момент. Как мы знаем, первый вариант буддийского канона складывался в течение достаточно долгого времени – нескольких столетий. Записан он был только на четвертом соборе в Шри-Ланке в I веке до н. э. Насколько увековеченная в нем информация соответствует раннему буддизму, остается только догадываться...

Итак, «Три Корзины». Но почему корзины именно три? Потому что эти книги состояли из трех разделов, которые назывались Виная-питака, Сутра-питака и Абхидхарма-питака.

Виная представляла собой свод правил жизни буддийской монашеской общины. Она включала 227 правил, по которым должны были жить монахи в сангхе. Сутрапитака содержала учение о Четырех Благородных Истинах, Восьмеричном Пути и, кроме того, включала в себя проповеди и поучения Будды, сборники «Дхармапада» и «Джатака».

«Дхармапада», то есть «Путь истины», представляла собой подборку буддийских притч. Этими притчами, которые собраны с 563 по 483 год до н. э., и по сей день руководствуются буддисты всего мира, черпая в них вдохновение. Особенно это касается последователей тхеравады. «Джатака» – это собрание повествований о предыдущих воплощениях самого Гаутамы Будды. Слово «джатака» по своему значению наиболее близко русскому слову «житие». Это назидательные истории, эпизоды из бытности Будды бодхисаттвой, припоминаемые и излагаемые им самим с целью нравственного наставления своих последователей.

В ходе своих бесчисленных реинкарнаций Будда воплощался во всевозможные обличья. Он был женщиной и мужчиной, животным и птицей, рыбой и духом, и, конечно, бодхисаттвой. Причем, считается, что бодхисаттва может приходить в этот мир не только в образе человека, но и животного и вообще кого угодно. Но всегда, в любом случае, это существо – эталон благородства, нравственности и самопожертвования.

Также в «Джатаках» перечисляются Десять Добродетелей, благодаря которым человеку становится по силам достичь состояния будды. Это следующие добродетели: мудрость, великодушие, терпение, энергия, отказ от иллюзий, правдивость, доброта, решительность, нужный настрой и собственно добродетель как основа всего поведения.

И наконец, Абхидхарма-питака – это своеобразные тексты философского и психологического содержания которых излагается буддийское понимание устройства жизни и приводятся доводы в его пользу.

В настоящее время существуют три варианта «Типитаки»: палийская – священная для буддистов тхеравады на Шри-Ланке, а также в Бирме, Камбодже, Лаосе, Таиланде; а два махаянских варианта – на китайском и тибетском языках. Китайская «Типитака» почитается буддистами Китая, Японии, Вьетнама и Кореи, тибетская – на Тибете, в Монголии и среди российских народностей, исповедующих буддизм. Махаянские «Типитаки» во многом совпадают, перекликаются и гармонично дополняют друг друга.

Кроме вышеназванных священных буддийских текстов было написано еще невероятное их множество, что правильнее всего будет связать с распространением буддизма по планете и, особенно, с возникновением огромного количества новых направлений. Причем каждая школа настаивает на подлинности своих книг, напрямую связывая их происхождение с именем самого Будды. Примером могут послужить «Праджняпарамита-сутры» – «Поучения о совершенной мудрости», поскольку махаянская традиция, в жизни которой они играют колоссальную роль, считает их откровениями самого Будды Шакьямуни. Эти откровения, из-за трудности понимания их последователями, якобы были положены на хранение современниками Будды во дворце нагов (змей). Затем, спустя долгое время, когда люди стали готовы их принять, величайший буддийский мудрец Нагарджуна вернул их в мир.

Интересный факт – в общем и целом буддийская традиция считает буддийские сутры проповедями самого Будды. Причем махаянисты признают как палийский канон тхеравады, так и свои собственные сутры. Махаяне вообще не свойственно отделять так называемые подлинные сутры от неподлинных. Она утверждает, что все сутры выражают суть буддийского учения. Однако тхеравадины признают священным только палийский канон.

Тем не менее, несмотря на лояльность махаяны, возникла необходимость разделять сутры на некие группы, и причиной тому послужила все та же несхожесть истолкования учения, несхожесть между сутрами. В итоге все сутры были разделены на две группы: сутры «окончательного значения» – нитартха и сутры, «требующие интерпретаций» – нейартха. В первую группу вошли сутры, в которых Будда прямо и однозначно провозглашает свое учение, во вторую – те, в которых Великий Учитель говорит аллегориями, иносказательно, приспособившись к уровню людей, не готовых его принять. И те и другие сутры были объявлены подлинными, опровержение же данного утверждения считалось грехом.

Несмотря на то что выход из затруднительного положения, казалось бы, был найден, тем не менее нельзя сказать, что проблема иссякла. По мере возникновения новых направлений в буддизме те сутры, которые ранее были отнесены к сутрам «окончательного значения» одной школой, другая школа признавала только «требующими интерпретаций».

Но и это еще не все. Со временем в буддизме сформировалась позиция, называемая «ипостасью двух ночей». Согласно ей, от ночи просветления до ночи паринирваны Будда на самом деле вообще не произнес ни единого слова! Однако его чистое сознание, схожее с чистым зеркалом, отражало проблемы всех приходивших к нему людей и дарило им безмолвный ответ. Ответ, который они, в итоге, воплотили в виде сутр. Соответственно, суть всех сутр весьма условна, потому что имеет смысл только в контексте того индивида, который и вызвал их к жизни (человека и его личной текущей проблемы).

Священные книги махаяны написаны на санскрите и включают в себя мифологию и философские элементы. Важный момент в них – это мысль, что Будда Шакьямуни был не единственным буддой, что и до него, и после него были и будут другие полностью просветленные. Махаянские тексты рассказывают о великих бодхисаттвах, жертвующих собственным блаженством в нирване ради спасения всех живых существ. Каждый бодхисаттва олицетворяет собой отдельное добродетельное качество. Например, великий бодхисаттва Авалокитешвара, изображениями которого изобилуют буддийские храмы, олицетворяет собой сострадание. Иногда Авалокитешвару изображают с тысячами рук, на каждой из которых находится глаз. Эти глаза бодхисаттвы – образное подтверждение того, что он способен видеть всех живых существ и служить им, облегчая их страдания. Буддийские тексты говорят, что

Авалокитешваре было поручено освободить всех живых существ из пут сансары. Пытаясь выполнить поручение, великий бодхисаттва растратил все свои силы и от отчаяния разрыдался. Его слезы, упавшие на землю, превратились в прекрасные цветы лотосов. Из этих лотосов родились два других бодхисаттвы – Белая Тара и Зеленая Тара, предназначением которых было помочь Авалокитешваре осуществить задуманное.

Что касается самой Тары, то в буддийских источниках можно прочитать красивую легенду о том, как однажды она, явившись в виде простой девушки, спасла измученного и изголодавшегося путника от неминуемой смерти. С одной стороны, эта легенда выступает подтверждением того факта, что ни мощь сострадания, ни состояние просветления вообще ни в коей мере не зависят от пола живого существа (мы знаем, что во все времена в разных странах мира, а в Индии особенно, проблема дискриминации женщин занимала одно из ведущих мест). С другой – в легенде явственно прослеживалась идея о невежестве тех, кто думает, что страдающее или просветленное существо можно определить по внешнему виду.

Другой бодхисаттва – Манджушри – олицетворяет мудрость. Манджушри обычно изображают с мечом в руке, которым он разрушает невежество.

«Алмазная сутра», еще один известнейший буддийский текст, говорит, что бодхисаттва – идеал махаяны – из сострадания возвращается в царство сансары, ради того чтобы помочь другим на их пути. Отсюда напрашивается следующий вывод: даже буддизм, в котором, по большому счету, каждый сам за себя, не исключает того, что однажды некое высшее существо может встретиться нам на пути и помочь в наших бедах, если мы будем правильно устремлены. Очень обнадеживающий момент...

Одно небезыңтересное замечание относительно «Алмазной сутры»: в религиозных текстах Древнего Египта присутствуют так называемые «Алмазные скрижали» (тоже тексты) Тота, которого еще называют Гермесом Трисмегистом.

Идеализм «Алмазной сутры» вполне обоснован. Держа ориентир на самоотверженных бодхисаттв, человек обретал возможность научиться не заикливаться на собственной персоне, преодолевать индивидуализм, который, как мы помним, есть иллюзия и главная помеха на пути к освобождению во всех его видах.

Еще один буддийский текст, о котором хотелось бы упомянуть, носит название «Лотосовая сутра», или «Лотос Истинного Закона» (Саддхарма пундарика). Многими буддистами махаяны эта сутра считается последним поучением Будды Шакьямуни, поэтому она занимает особое место в каноне этого направления. В «Лотосовой сутре» изложено учение об «искусных методах», к помощи которых прибегал сам Будда, чтобы воодушевить своих учеников или потенциальных учеников в их стремлении к просветлению. В ней говорится и о том, что, хотя и существует масса способов достижения цели, на самом деле все эти способы представляют собой лишь разные аспекты одного и того же пути. Этот единый путь носит название Пути Бодхисаттвы Махасаттвы, или Великого Существа, и считается доступным для всех живых существ в соответствии с их способностями. Поэтому, подчеркивается в «Лотосовой сутре», не имеет значения, насколько человек способен понять буддийские принципы, находясь в начале своего пути. Главное – чтобы в его сознании, в его сердце присутствовали две вещи: желание меняться к лучшему и жажда освобождения. Обязанность подвести ученика к конечному пониманию истины целиком и полностью ложится на плечи учителя.

В этот момент у многих потенциальных учеников может возникнуть вполне логичный вопрос: «А где же такого высокопрофессионального учителя взять?» Мудрые говорят: «Когда ученик будет готов – учитель придет». Будем надеяться, что это правда...

По ходу повествования «Лотосовая сутра» разворачивает перед читателями неповторимую картину разнообразных воплощений самого Будды, показывает, как близок он к тому, чтобы войти в мир блаженства нирваны, но, тем не менее, из-за любви и сострадания ко всем живым существам продолжает играть роль бодхисаттвы. И вот Будда открывает своим последователям великую истину, заключающуюся в том, что все живые существа, так или иначе, но обязательно придут к пониманию истинности буддийского учения. Они сумеют избавиться от глупости и самообмана, которыми страдают даже некоторые буддисты, и увидеть правду такой, какая она есть.

Священные тексты тхеравады разительно отличаются от аналогичных текстов махаяны.

Тхераваде свойственны четкие формулировки, которые в традиции махаяны сложно отыскать. Конечно, четкая формулировка сравнительно легка для понимания, что способствует однозначной трактовке (или хотя бы не слишком многозначной) и, соответственно, причисляет тексты к сутрам «окончательного значения». Тем не менее, как мы уже упоминали, позиция тхеравадинов, с точки зрения махаянистов, явно проигрышная. В «Лотосовой сутре» (не станем забывать, что она написана махаянистами) неоднократно подчеркивается «близорукость» тхеравадинов в том смысле, что из-за своей жажды личного спасения они забывают про всех остальных людей, страдающих в сансаре. В махаянских текстах критикуется желание последователей тхеравады пополнять ряды архатов и пратьекабудд [25 – Пратьекабудда – существо, которым становится человек, достигший просветления, но предпочитающий не проповедовать дхарму другим людям.]. Однако не будем забывать, что, как бы не критиковали махаянисты последователей тхеравады, они не менее активно, чем последние, стремились совершенствовать себя на духовном пути. Что же до критики как таковой, то вряд ли сам Будда Шакьямуни тратил бы на нее драгоценное время человеческой жизни, отнимая его тем самым у бесценных духовных практик.

Хотелось бы сказать и несколько слов о такой важной для каждого буддиста книге, как «Тибетская книга мертвых». Поскольку существует один, наиболее важный момент буддизма, который касается всех без исключения – и монахов и мирян, и тхеравадинов и махаянистов, – это вопрос отношения к смерти. Представление о смерти и процесс умирания занимает особое место в буддийском учении, поскольку и то и другое напрямую связано с понятием реинкарнации и непосредственно влияет на будущее человека.

Люди Запада традиционно боятся смерти. Этот страх, как и любой страх вообще, ведет к болезненным состояниям. Буддисты смотрят на смерть иначе. В мире сансары нет ничего постоянного, поэтому смерть – естественное последствие рождения. Человек должен принять такое положение вещей, ведь до тех пор, пока он в сансаре, избежать смерти он все равно не сможет, как ни бойся, как ни протестуй. Человек может изменить свое поведение, свое отношение к жизни и таким образом избавиться и от сансары, и от смерти одним махом. Другого выхода нет.

В буддийской традиции человека учат правильно относиться и к жизни, и к смерти с самого раннего возраста. Проблема западного человека заключается в том, что его приучают не думать, не говорить и вообще не касаться темы смерти до тех пор, пока она не заглянет ему прямо в глаза, а это уже слишком поздно для того, чтобы что-то менять. Для буддиста смысл его жизни становится ясен в момент смерти. Человек западного воспитания лишен такого преимущества.

Итак, смерть – настолько важное событие для буддиста, что была даже создана специальная книга – «Тибетская книга мертвых» (стоит заметить, что книга с похожим названием существовала и в Древнем Египте, религия которого никоим образом не была связана с буддийским учением).

В буддийской традиции принято читать вслух «Тибетскую книгу мертвых» умирающему человеку. Считается, что это не дает ему забыть об учении Будды, что невероятно важно (вспомним, что, согласно учению школы Чистой Земли, достаточно в момент смерти призвать Будду Амитабху, чтобы он препроводил умершего в свой райский мир), успокаивает разум, подготавливает к путешествию от нынешней жизни к следующей и главное – вселяет надежду, что вместо нового рождения наступит полное освобождение от колеса сансары.

Позитивный подход к смерти помогает человеку не жить под прессом неизбежности этого события. С другой стороны, умение признавать смерть как неизбежность и в то же время относиться к ней без страха является признаком освобожденного разума.

Символы и праздники буддизма

Буддизм, как и другие ведущие религии мира, имеет богатую символику. И главным, о чем хотелось бы поговорить, обсуждая эту тему, является так называемое Колесо Становления, или Тибетское Колесо Жизни. Мы уже упоминали о нем выше, теперь же пришло время остановиться на этом вопросе подробнее. Поскольку Колесо Становления является символическим изображением всей сути буддийского учения,

Будда А. Корниенко Буддизм filosoff.org
более насыщенной символики, наверное, трудно себе вообразить.

В самом центре Колеса Становления сконцентрированы три его движущие силы (они же – движущие силы мира сансары). Это невежество, желание или жадность и пресыщение, представленные образами свиньи, петуха и змеи. Все они тесно связаны друг с другом, что выражено в том, что они кусают друг друга за хвосты.

Ступицу колеса обрамляет круг, разделенный на две части: черную справа и белую слева. Внутри каждой половины находятся фигуры людей. Фигуры белой половины изображены движущимися снизу вверх, черной – опускающимися сверху вниз, что соответствует кармическому росту и деградации.

Далее изображен еще один круг, разделенный спицами Колеса на шесть царств сансары. Сверху помещены фигуры божеств: дев, пребывающих в райских условиях, справа от них асуры – демоны. Считалось, что асуры отличались от богов не по силе, а по состоянию ума, поэтому их также называли «завистливые боги». Из царства асуров произрастает дерево, крона и плоды которого находятся в царстве божеств. У основания дерева расположена символическая фигура, стремящаяся срубить дерево и завладеть плодами.

Внизу справа находится царство голодных духов – прет, это существа с крохотными головами и огромными раздутыми животами, пребывающие в состоянии постоянного голода и жажды, которые невозможно утолить. Все, к чему прикасаются преты, сгорает или превращается в нечистоты. В самом низу расположен ад – место, противоположное раю. В нем существа находятся в нескончаемых муках.

Слева внизу – место царства животных. У животных примитивное сознание, поэтому все их усилия направлены на поиски пищи и воспроизведение вида, в результате чего они уничтожают друг друга и иные формы жизни.

Последнее царство – это царство людей. Люди едят, пьют, рожают детей, болеют и стареют, причем непрестанно занимаясь какой-то работой, и в конце концов умирают. Там же изображено дерево и две фигуры под ним. Эти фигуры символизируют мудрых людей. Они замерли в медитации, пытаются отыскать выход из замкнутого круга страданий, которые уготовила для них сансара. Также эти медитирующие фигуры символически обозначают исключительную возможность, выпадающую существам только в человеческом воплощении, найти путь освобождения от страданий.

Шесть царств Колеса Жизни демонстрируют наши прошлые и будущие воплощения, которых невозможно избежать до тех пор, пока мы остаемся замкнутыми в сансаре. Главное – четко понимать, что никто – ни божества, ни люди, ни духи – не остается в своем царстве навсегда, поскольку, как бы мы не хотели, состояние нашего ума будет постоянно меняться, увлекая нас в кармический круговорот причин и следствий.

В каждом царстве мы можем увидеть фигуру Будды, учение которого, искусно приспособленное к нуждам существ, населяющих царства, изображено в виде символического предмета в его руках. Тем не менее, не будем забывать, что только человеческое воплощение дает возможность освободиться, а его приходится иной раз ждать очень и очень долго.

Обод Тибетского Колеса Жизни разделен на двенадцать частей, в каждой из которых представлена та или иная сцена. В буддийской терминологии эти части называются «двенадцатью матрицами причинно-зависимого происхождения жизни», и именно они являются той силой, которая вращает Колесо Становления. Попробуем кратко описать эти матрицы.

Слепой инвалид символизирует наше невежество, из-за которого мы страдаем.

Фигура гончара, лепящего горшки и кувшины на гончарном круге, обозначает, что из-за невежества возникает импульс (самскара), воля к действию.

Обезьяна, лазающая по дереву, символизирует, что из-за воли к действию образуются сознание (вижняна).

Лодка с гребцом и пассажирами показывает, что возникновение сознания и вызывает психофизическое существование.

Дом с шестью окнами – это шесть органов чувств (шадаятана).

Совокупляющаяся пара показывает, что благодаря возникновению органов чувств, происходит их соединение с объектами восприятия (спарша).

Человек со стрелой в глазу символизирует возникновение чувств, ощущений, эмоций (ведана).

Женщина, предлагающая чашу вина сидящему мужчине, – ощущения порождают влечение, желания, страсть (тришна).

Человек, собирающий плоды с дерева, – символ того, как из-за влечения возникает привязанность (упадана).

Беременная женщина – символ того, как из-за привязанности происходит сансарическое бытие (бхава).

Рожаящая женщина символизирует новое рождение (джати).

Человек, несущий труп на кремацию, обозначает последствия рождения: горе, муки, старость, болезни, смерть (джала-марана).

Колесо сансары держит в лапах кошмарное трехглазое чудовище с клыками и короной из черепов – Мара (или Яма), господин Смерти, который полностью контролирует существование тех, кто живет в сансаре.

Итак, по причине невежества происходит наше становление как индивида, наше появление в мире сансары и вытекающие из этого бедствия. Только с помощью учения Будды, утверждают буддисты, мы можем обратить наше невежество в знание и вырваться из замкнутого круга рождений и смертей, из лап чудовищного Мары.

Еще один, теперь уже всем известный символ, значение которого было невероятно искажено в XX веке, – это свастика. В переводе с санскрита слово «свастика» означает «быть благополучным». Это древний индоевропейский символ солнца и огня, известный еще с II–I тысячелетия до н. э., а некоторые его изображения еще более древние.

Свастика представляет собой крест, концы которого загнуты. Это очень популярный буддийский символ, он символизирует состояния Будды. Свастика очень часто изображается на груди будд, ею декорированы буддийские храмы. Очень мощный защитный символ, традиционно применяемый в индуизме и неоиндуистских течениях (Общество сознания Кришны и т. п.).

Хотя в индийских орнаментах можно встретить свастику с концами, загнутыми как по часовой, так и против часовой стрелки, принято считать, что именно первая символизирует негативные намерения и является атрибутом так называемой черной магии, в связи с чем в буддийской практике не употребляется, а более характерна для религии бон.

Именно такая свастика стала символом немецких фашистов во времена Второй мировой войны. По этой причине после войны все европейские страны приняли соглашение о полном запрете применения символа свастики как такового. И, несмотря на то что в Индии он по-прежнему продолжает использоваться, у европейцев, а особенно у жителей нашей страны, свастика вызывает очень тяжелые ассоциации.

В Китае же и других буддийских странах изображение свастики часто можно увидеть на вывесках буддийских организаций, магазинах религиозной литературы, вегетарианских кафе.

Вскользь хотелось бы упомянуть о еще одном символе, который у многих ассоциируется с буддизмом, – о черно-белом символе Инь-Ян, которым украшают популярные в современном мире атрибуты китайского фэн-шуй, – всевозможные бубенчики, колокольчики, связки звенящих трубочек («музыка ветра») и так далее.

Монада Инь – Ян является элементом древнекитайской философской концепции, о которой в «Книге перемен» («И-цзин») упоминается как о символе единства противоположностей. Инь символизирует темное, внутреннее, женское, земное,

холодное, негативное, пассивное и т. д.; Ян – светлое, внешнее, мужское, небесное, теплое, доброе, активное. Два противоположных по своей сути начала Инь – Ян едины и неделимы. Единство и борьба этих начал порождают пять стихий – воду, огонь, дерево, металл и землю, из которых, в свою очередь, возникает все многообразие материального мира, и в том числе человек. Концепция Инь – Ян уходит своими корнями в даосизм и к буддизму не имеет никакого отношения.

Что касается праздников, то можно смело утверждать, что буддийская традиция знает их огромное множество. На протяжении своего исторического развития буддизм проникал в самые разные культуры, что, безусловно, отразилось на празднествах и церемониях. Самым же характерным для них остается то, что главенствующая роль в любом действе всегда отводится Будде Шакьямуни, его жизни и его учению.

Буддийские праздники принято разделять на три группы в зависимости от того, какую именно культурную традицию они собой представляют. Первая группа – это праздники традиции тхеравады, вторая – праздники тибетской традиции и, наконец, третья группа – праздники китайско-японской традиции.

Но сегодня можно говорить и о четвертой группе, относящейся к возникшей в XX веке западной буддийской общины. Эти праздники достаточно популярны сейчас в западных странах.

Все буддийские праздники отмечаются по лунному календарю, причем большинство главных праздников выпадают на дни полнолуния. Поэтому даты буддийских праздников не являются стабильными, а постоянно высчитываются, так же как и христианская Пасха.

На характер праздников традиции тхеравады большое влияние оказала Виная – законы монашеской общины. В монашеском календаре тхеравадинов отмечены два важные события. Это так называемые дни упасатты, которые приходятся на каждую неделю.

Изначально дни упасатты, которые выпадали на дни полнолуния, новолуния и четвертей, монахи отмечали, чтобы снова и снова подтверждать свой монашеский устав и, кроме того, исповедоваться друг перед другом в своих грехах. Позднее кроме монахов эти дни стали соблюдаться и мирянами.

Считается, что полная луна обладает магическими свойствами, а лунные циклы выступают в роли символического напоминания людям о Колесе Становления и Вечной Истине – дхарме, – открытой Буддой.

В дни упасатты принято посещать монастыри, храмы, слушать читаемые монахами тексты учения, вносить пожертвования, брать на себя благочестивые обязательства, медитировать и вообще всячески подтверждать свою готовность следовать по буддийскому пути.

Кроме того, даже мирянам в дни упасатты полезным считается брать на себя ограничительные обязательства, схожие с монашескими, например, не есть мясо или рыбу, воздерживаться от секса, развлечений, не пользоваться украшениями и тому подобное.

В праздник Весак отмечается день рождения Будды, момент его просветления и смерть. Соответственно, Весак является самым главным праздником традиции тхеравады. Этот праздник получил свое название от месяца, в который он празднуется. Он выпадает на день полнолуния второго месяца индийского календаря (конец мая – начало июня по западному календарю).

Главное событие праздника – просветление Будды, которое является исключительным событием для всего человечества. Буддисты украшают храмы, а с наступлением темноты зажигают фонарики, которые и символизируют просветление. Фонарики изготавливают из бумаги, закрепляя их на тонком и легком деревянном каркасе. На территориях храмов расставляют масляные лампы. Население обменивается поздравительными открытками, напоминающими рождественские. На открытках традиционно изображаются разные памятные события из жизни Будды.

В этот праздник даже буддийские миряне медитируют в течение всей ночи, а также выполняют наставления со всей строгостью. Иногда приверженцы буддизма даже

откладывают занятия сельским хозяйством и другой деятельностью на послепраздничное время, чтобы нечаянно не навредить каким-нибудь мелким живым существам. Милосердие поощряется в любых его проявлениях. Миряне традиционно приносят в храмы щедрое угощение для монахов, чем подтверждают готовность выполнять свой долг перед сангхой.

Праздник Асала, который, как правило, отмечается в июле – в начале периода уединения Будды, совпадающего с сезоном дождей, является напоминанием о первой проповеди Учителя. Поскольку это событие стало началом всей деятельности Будды в качестве духовного учителя, монахи произносят специальные проповеди.

И хотя «Асала перехара» – «Зуб Будды» – празднуется только на Шри-Ланке, это очень известный и значимый праздник в буддийском мире. В этот день все жители Шри-Ланки устраивают удивительную, яркую и красочную процессию, во время которой по улицам несут особую реликвию – зуб самого Будды. Считается, что это действительно зуб Великого Учителя (надо заметить, что буддийские миссионеры, открывая по миру новые центры, все время отыскивают какие-нибудь новые реликвии Будды, наличие которых весьма ценится в буддийской традиции).

Праздник «Зуб Будды», как, впрочем, и все другие, призван вдохновлять буддистов на их пути и напоминать о дхарме. Тем не менее, «Асала перахара» носит скорее патриотический, чем духовный характер и проводится с большим размахом. В нем участвуют слоны в роскошных украшениях, выступают танцоры, запускаются многочисленные фейерверки.

Следующий праздник – Катхина – проводится в октябре или ноябре, после сезона дождей, и организуется мирянами с целью подарить монахам новые одежды. Церемония дарения также служит напоминанием об обособленности монахов от мирян. Монахи подают духовный пример мирянам, а те, в свою очередь, удовлетворяют их основные жизненные потребности.

Само слово «катхина» означает «трудный». Этим подчеркивается трудность буддийского служения, поскольку выполнять дхарму для человека действительно не просто. Требуется немало мужества, воли и упорства, чтобы следовать путем духовного самосовершенствования.

К важным тибетским праздникам относится также Лосар – тибетский Новый год, который начинается в феврале. Праздник длится пятнадцать дней и посвящен памяти того периода в жизни Будды, который привел его к просветлению и проповеди дхармы.

На четвертый день празднований те из монахов, которые достойны «повышения», сдают своеобразный экзамен на более высокий сан. Экзамен носит название «монлам чхенмо» – «великий молебен».

Пятнадцатый день празднований приходится на полнолуние. В этот день тибетцы изготавливают традиционные масляные скульптуры. Эти скульптуры, раскрашенные яркими красками, воссоздают разные моменты жизни Будды. Кроме этого, тибетцы ставят кукольные представления на эту же тему.

Вообще Новый год в понимании тибетцев связан с периодом испытаний, выпавших на долю Будды, а также с его великим прорывом. Это время преодоления и обновления.

Праздник очень яркий, насыщенный и красочный. Заканчивается он ритуальным сожжением зла и плохой кармы всей общины на погребальном костре.

Тибетцы празднуют и день рождения Будды. Этот праздник называется Сага Дава и отмечается на пятнадцатый день четвертого месяца – в полнолуние в мае. Это день строгого соблюдения традиций. Буддистам нельзя есть мясо и следует повсюду зажигать светильники. Также принято особым образом обходить буддийские памятники. Некоторые буддисты в это время берут обязательства голодать или молчать в течение семи дней, что символизирует важность воздержания и служит напоминанием о Будде.

В праздник Дзамлинг Чизанг буддисты приносят пять жертв духам-хранителям, которые защищают человека, его семью и святые буддийские места. Духам-хранителям воздвигаются алтари рядом с буддийскими храмами. Считается, что эти духи были некогда божествами, которых обратили в буддизм, после чего они стали покровителями учения. Жертвы духам – это сжигаемые на алтарях сладости и жаренный в масле ячмень. Чтобы получить право участвовать в церемонии жертвоприношения, необходимо, как минимум, за четыре дня до праздника перестать есть мясо.

Следующий праздник – Чокхор – увековечивает первую проповедь Будды и Поворот Колеса Дхармы. Праздник обычно устраивают в июне или июле при хорошей погоде. Вся монашеская община принимает участие в оживленном шествии. Участники процессии несут надписи, вырезанные на длинных прямоугольных досках, и статуи – это символизирует распространение дхармы, что произошло благодаря проповеди Будды. Потом устраивается пир, на котором варят напиток, напоминающий пиво.

Теперь несколько слов о праздниках китайско-японской традиции.

В Японии также существует традиция праздновать рождение Будды Гаутамы. Этот праздник называется Хана Матсюри. В Японии просветление и смерть Будды отмечаются отдельно. Хана Матсюри отмечается в соответствии с лунным китайским календарем – на восьмой день четвертого месяца. Основные атрибуты праздника – цветы и вода, что связано с мифом о рождении Будды (см. первую главу).

Праздник шумный и яркий. В нем принимают участие танцоры и акробаты. В этот день прямо во дворах храмов торговцы продают еду и сувениры.

Праздник голодных духов посвящен умершим предкам. По своему характеру он напоминает День Всех Святых, но с упором на культе предков, который характерен как для Японии, так и для Китая. Праздник выпадает на июль-август. В центре действия – история буддийского проповедника, который обладал способностью путешествовать по царствам сансарического мира. В одном таком путешествии он встретил свою мать, которая мучилась в аду. Проповедник спас свою мать, устроив для всех будд и монахов огромный пир. Оценив этот достойный поступок, Будда на веревке поднял женщину из ада.

Считается, что в этот день духи покидают свои царства. Местные жители устраивают ярмарки с театрализованными представлениями, танцами и разными забавами. Буддийские монахи ходят по домам и читают священные книги перед семейными склепами в знак уважения духов. К финалу празднества духи «возвращаются» в свои царства. Люди предлагают Будде фрукты и цветы и просят благословения для своей семьи и предков.

Организация «Друзья западной буддийской общины» (FWBO) отмечает три основных праздника. Это – День Будды, День дхармы и День сангхи. Первый празднуют в мае, второй – в июле, третий – в ноябре, как раз в то время, когда все члены организации собираются вместе в центрах FWBO. Эти центры представляют собой большие дома или залы, обустроенные в буддийском стиле. Во время церемонии глава общины произносит речь, верующие поют и медитируют, заканчивается праздник настоящим пиром.

Какими бы яркими ни были буддийские праздники, не в правилах буддистов считать их – даже такой, как Весак и ему подобные, – чем-то исключительно важным, в отличие, к примеру, от христианской традиции. Буддисты соглашались, что все праздники прекрасны, но нет никакого смысла в том, чтобы затрачивать какие-то особые усилия на празднование одного, пусть даже очень важного дня в году. Главное для буддиста – это моральное совершенствование и просветление. И никакие иллюзорные ценности сансары не смогут затуманить понимания этого.

Монахи и миряне. Буддизм и боевые искусства

Сам Будда много раз подчеркивал, что монахи и миряне ведут обособленное друг от друга существование. И такое положение вещей, безусловно, способствовало сохранению буддизма в качестве живой и активной традиции.

Для всех буддистов земного шара, не зависимо от того, монахи они или миряне, наиболее ценными считаются три так называемые драгоценности, которые, в свою очередь, являются и тремя прибежищами для человека, решившего стать на путь буддийского учения. Что же это за драгоценности и прибежища? Три Драгоценности буддизма – или Триратна – это Будда, дхарма и сангха.

У буддистов существует формальная церемония для лиц, желающих объявить о своем намерении строить жизнь согласно заповедям учения. Для того чтобы провозгласить себя буддистом, человеку необходимо три раза повторить слова о том, что он идет в поисках прибежища к Будде, к дхарме и к сангхе. Конечно, после этого человек не становится монахом, он остается мирянином, однако отныне он может «официально» считать себя буддистом, что обычно способствует пересмотру собственной жизненной позиции, личных приоритетов, целей и устремлений.

Считается, что найти себе убежище – это первый шаг к внутренней свободе. И самое главное – отыскать это убежище внутри себя самого.

Вся буддийская практика, по сути, отталкивается от пяти наставлений, реализовавшихся в следующих обязательствах:

- не причинять вреда живым существам;
- ничего не брать у других, если это не отдается добровольно;
- не нарушать супружескую верность;
- воздерживаться от лживых речей;
- воздерживаться от опьяняющих напитков и наркотиков, чтобы иметь сосредоточенный разум и не терять контроля над собой.

Буддизм, как мы помним, не выдвигает каких-то особых требований ни к внешней экипировке культа, ни к предварительной подготовке адепта. Тем не менее, буддийские наставления достаточно сложны для реализации их человеком и все более усложняются, в зависимости от того, насколько далеко адепт желает продвинуться на духовном пути. Правила для мирян значительно проще и малочисленнее, чем правила для монахов. И главное, ни у тех, ни у других, кроме своего собственного сердца, не существует никакого внешнего «контролера» (как, к примеру, Бога в христианской традиции), неустанно бдящего за выполнением этих правил. Единственный сдерживающий и направляющий фактор (даже если в сознании человека отсутствует необходимость творить добро ради добра) – это закон кармы, который работает в любом случае в соответствии с тем, как мы будем себя вести.

Первые пять наставлений предназначены для всех буддистов вообще. Для тех же, кто готовится принять монашеский обет (саманеров), Будда изложил еще пять наставлений, являющихся дополнением первых пяти:

- отказ от чревоугодничества;
- воздержание от увеселительных действий, таких как танцы, музыка, пение, просмотр сценических представлений;
- воздержание от использования украшений, духов, цветочных венков (носимых на шее и весьма популярных в Индии атрибутов) и косметики;
- отказ от сидения и сна на возвышении;
- обязательство не принимать золота и серебра.

Перечисленные десять наставлений являются основой монашеского устава. Полный же монашеский устав включает двести двадцать семь правил, перечислять которые на этих страницах за отсутствием места нет никакой возможности.

Упрощенный вариант десяти наставлений представляет собой восемь наставлений,

когда седьмое и восьмое наставления объединяются в одно, а десятое опускается. Буддисты-миряне могут брать на себя обязательство выполнять восемь наставлений в дни празднеств. Монахи (бикху) свято выполняют десять наставлений всегда, что и выделяет их в особую категорию из общей массы населения буддийских стран.

Перечисленные правила призваны удерживать людей от потворства желаниям и жадности, которые иначе будут овладевать ими во всех сферах жизни, начиная от еды и заканчивая общественным положением.

Хочется обратить внимание на тот момент, что смысл перечисленных выше наставлений на самом деле гораздо более глубокий, чем это может показаться на первый взгляд. К примеру, первое наставление, призывающее не причинять вреда живым существам, должно истолковываться не просто как заповедь «не убий». Вред живым существам можно причинить как действием, так и бездействием. Поэтому, если вы могли помочь кому-то, но не помогли, считайте, что причинили ему вред не меньший, как если бы ударили или даже убили.

Когда человек принимает решение целиком и полностью посвятить себя дхарме и стать монахом, он проходит обряд посвящения. Кандидатов в монахи называют анагариками – послушниками. Церемония посвящения проводится в сие, специально отведенном и обустроенном для этого месте. Руководит посвящением упаджхья – наставник, которого выбирают из старших монахов (как мы помним, в сангхе теоретически все равны, хотя на деле это не совсем так).

Перед посвящением для нового адепта готовят соответствующие монашеские одеяния, цвет которых зависит от течения буддизма. У буддистов махаяны – это одеяния шафранового цвета, тхеравады – коричневого, в дзэн-буддизме принят черный цвет, тибетские монахи носят темно-бордовое.

На церемонии адепт обязан будет прочитать наизусть патимоккху – правила дисциплины, а после посвящения он должен будет выполнять положенные уставом двести двадцать семь правил монашеской общины и, естественно, десять наставлений.

Виная – закон дисциплины – предписывает всем монахам соблюдать целибат, то есть жить в безбрачии и не иметь сексуальных отношений. Поэтому после посвящения монахи и монахини поселяются в разных общинах и движутся к намеченной цели по отдельности (хотя в некоторых тибетских, японских и корейских общинах монахам и монахиням иногда разрешается вступать в брак).

Западные буддийские общины – это вообще не монашеские общины в полном смысле этого слова. Это сообщества мирян, которые могут быть как женаты, так и холосты, иметь детей или не иметь их. Хотя и там существуют общины, напоминающие монашеские, где представители разных полов живут отдельно друг от друга, а если есть малолетние дети, то они живут вместе с матерями.

Сам акт бракосочетания буддизмом не предусмотрен. Это гражданская мирская церемония, и монахи в ней не участвуют и никаких соответствующих служб не проводят. Правда, они могут благословить брак как событие, но уже после церемонии. Буддийский монах нацелен на личное спасение, и мирская жизнь вместе с ее традициями его не беспокоит.

Тем не менее, около 95 % всех буддистов – миряне, поэтому семья зачастую играет важную роль в их жизни. Однако любая мирская деятельность для буддиста должна корректироваться правилом воздержанности, супружество в том числе.

Миряне, как мы уже поняли, играют важнейшую роль в жизни монаха, поскольку обеспечивают его материальные потребности. Именно поэтому, если бы буддийские монахи не поддерживали добрых отношений с миром, буддизму никогда бы не удалось стать тем, чем он стал. С учетом всего этого буддизм создал правила, регламентирующие супружеские и семейные отношения.

Правила эти понятны и привычны для любого нормального человека. Например, родители должны правильно воспитывать своих детей, удерживая их от греха, направлять их на истинный путь, следить за тем, чтобы дети вступали в брак в нужном возрасте; передавать им свое наследство. Дети, в свою очередь, должны поддерживать своих родителей, свою семью, выполнять свои домашние обязанности, хранить традиции и не позорить память предков, подавать милостыню в память об

Будда А. Корниенко Буддизм filosoff.org
усопших родственников.

Муж по отношению к жене должен быть внимательным, уважать супругу и хранить ей верность, заботиться об ее авторитете и обеспечивать ее материальные потребности. Жена должна выполнять свои обязанности хранительницы домашнего очага, быть гостеприимной и доброжелательной в отношении родственников, должна быть верной своему мужу, разумной в тратах, умелой и трудолюбивой.

Кроме вышеперечисленного, мужа и жену, равно как членов семьи и всех членов буддийской общины, должна объединять духовная дружба. Сам Будда говорил о том, что дружеские отношения являются движущей силой мира. Соответственно, духовная дружба есть основа основ в любых взаимоотношениях, независимо от того, монах человек или мирянин. Строить любые отношения следует на одних и тех же ценностях, подходя ко всем живым существам с одинаковой любовью, заботой и теплотой.

Ожидающей ребенка женщине еще до родов полезно посещать храм. Вскоре после родов младенца также несут в храм, чтобы его благословили монахи. Если ребенок мужского пола, то когда он подрастает, у него есть возможность получить временное посвящение и прожить монашеской жизнью в монастыре несколько недель. Кстати говоря, подобная традиция характерна для многих стран в отношении взрослых мужчин, которые стараются некоторое время каждый год жить в монастыре как монахи. А вот для западных буддистов подобный обряд не доступен.

В семьях мирян-буддистов обязательно находится статуя Будды, которая стоит в специально отведенном для этого месте в доме, на возвышении. Это – место поклонения, под которое, по возможности, отводится целая комната.

Традиция тхеравады требует, чтобы в праздничные дни семьи в полном составе приходили в храмы с данной – пищей для монахов и монахинь. Такой акт считается подтверждением стремления следовать путем буддийских наставлений.

В азиатских буддийских странах школьное обучение предполагает приобщение детей к буддийским ценностям. Существует пять правил, которые должен выполнять добропорядочный ученик в отношении учителя:

- 1) вставать с места в знак приветствия;
- 2) ждать учителя;
- 3) иметь желание учиться;
- 4) оказывать учителю личные услуги;
- 5) уважать учителя.

Учитель, в свою очередь, должен относиться к ученикам с состраданием и любовью, добросовестно обучать и тренировать их, но стараться, чтобы это не выглядело, как мрачная обязанность, а с веселостью, вселяя в детей жизнерадостность; внимательно следить за тем, чтобы дети одинаково успешно усваивали предмет.

И родители, и учителя стараются прививать детям здоровые представления о буддизме, учить их правильно оценивать себя и других, не перегружать их взрослыми идеями и воспитать правильное понимание жизни в целом.

Что касается еще одного важного в жизни буддиста и общего для всех людей сансары события – смерти, то в погребальной церемонии, в отличие, к примеру, от брачной, монахи принимают самое непосредственное участие. Во время похорон проводится служба, которая включает в себя чтение и пение священных текстов. Темой таких текстов, как правило, является непостоянство и мимолетность сансарического бытия. На буддийских погребальных церемониях не принято заострять внимание на тяжести утраты. Ударение обычно делается на качествах, какими обладал умерший человек.

Семья или близкие покойного заботятся об организации поминальной службы, которая проводится в храме, монастыре или дома, и о раздаче милостыни. Аналогичным образом отмечается и годовщина смерти. Милостыней, как правило, являются деньги,

книги или предметы обихода для храма или монастыря. Что касается книг, то в Индии вообще считается, что наилучший дар – это знания. Потому дарение знания, заключенного в книгах, всячески приветствуется. Конечно, если человеку недостает пищи, книги вряд ли ее заменят, но тут уже надо смотреть по ситуации.

Тела покойных в буддизме принято кремировать. Останки усопших духовных учителей принято сохранять как реликвии, распределяя их по монастырям или центрам, организованным этим учителем при жизни. Для сохранения останков строят ступы (пагоды). Места нахождения таких пагод часто становятся местами паломничества.

Весьма интересный момент: по традиции Тибета, когда умирает (оставляет тело) Великий Учитель, по велению Далай-ламы – тибетского духовного лидера – начинается поиск его нового воплощения – тулку. Поэтому тулку обычно оказываются детьми (если поиск не затягивается слишком надолго), которых монахи берут из семьи (с согласия родителей, разумеется) и обеспечивают им соответствующее воспитание, свято веря, что вновь воплощенный учитель продолжит работу, которую оставил в предыдущем воплощении.

Поиск тулку – дело сложное и ответственное. В каждом монастыре или школе есть человек, которому в состоянии медитации приходят соответствующие видения, подсказывающие, где искать тулку. Когда видение получено, в заданном направлении отправляется специальная делегация. Переодетые монахи разыскивают детей, соответствующих полученным «подсказкам», после чего испытывают их. Обычно детям предлагают несколько одинаковых предметов, один из которых прежде принадлежал усопшему гуру. И так несколько раз. Если ребенок без подсказок и давления делает правильный выбор – его объявляют тулку.

Считается, что великие духовные учителя знают о том, кем родятся в следующей жизни. Таким образом, они сами могут дать подсказки своим последователям, где стоит искать тулку.

Еще одна обязательная традиция буддийских монахов, о которой мы уже вскользь упоминали выше, – это уединение на сезон дождей. Поскольку вся проповедническая жизнь Будды прошла в скитаниях, а прибежище он искал только на период дождей, который приходился на промежуток от июня до конца сентября, его последователи – монахи, которые ведут скитальческий образ жизни, – тоже оседают в монастырях на этот отрезок времени. В этом есть свое преимущество – у монахов появляется прекрасная возможность заняться более глубокой практикой медитации и изучением буддизма. В этот период прекращается и обычное общение монахов и мирян.

По окончании уединения монахи проводят церемонию исповедования грехов и в течение всего последующего месяца постепенно восстанавливают связи с мирянами.

В таких странах, как Таиланд и Бирма, миряне часто принимают временное посвящение именно на сезон дождей. Таким образом, в течение трех месяцев они имеют возможность вести такой же образ жизни, какой ведут бикху в сангхе.

Именно период уединения и завершает уже известный нам праздник Катхина (см. главу «Символы и праздники буддизма»), когда миряне дарят монахам новую одежду. Одевание изготавливается в соответствии с требованиями обряда. Сангха – на средства мирян – выбирает нужную ткань, после чего монахи шьют сами одеяния. Ткань каждого монашеского балахона шивается в форме рисового поля. Готовые одежды возвращаются мирянам, которые затем торжественно дарят их монахам. Ритуал достаточно сложный, но очень разумный. Ведь монахи имеют возможность выбрать именно те ткани, которые им действительно необходимы, и в результате получают подходящую и качественную одежду.

Вообще о буддийском монашестве, о жизни школ и монастырей можно говорить очень долго, но из-за недостатка места приходится выбирать наиболее значимые моменты. И наверное, наряду с Тибетом, нет другого, более значимого места, который бы так прославил на весь мир буддийскую традицию, как монастырь Шаолинь.

Шаолинь – китайский монастырь школы чань (дзэн). Он расположен в провинции Хэнань, в северной части гор Шаошишань, возле города Дэнфэн.

Монастырь Шаолинь был построен в 495 году до н. э. Буддийская традиция связывает его с именем первого патриарха чань-буддизма Бодхидхармы.

С чем у каждого из нас ассоциируется монастырь Шаолинь? Конечно же, с доблестными воинствующими монахами и великим кунг-фу[26 – В современном значении термин «кунг-фу» («гун-фу») часто используется для обозначения китайских боевых искусств, однако исходное его значение необязательно связано с боевыми искусствами. Термин состоит из двух иероглифов – «кунг», или «гун» («работа», «овладение», «достижения»), и «фу» («человек») – и буквально означает «работа над собой», а также результаты какой-либо деятельности. Эти иероглифы объединяются для описания любого приобретенного мастерства, достижений, полученных в процессе долгой упорной работы, в том числе и в искусстве владения своим телом, разумом, энергией. Считается, что термин «кунгфу» в современном значении (в смысле «китайское боевое искусство») впервые начал использоваться на Западе и до XX века не применялся в Китае, и в таком значении он не встречается в древних текстах. В китайских текстах боевые искусства обозначались как «у-шу» или (чаще) «у-и».]

«Как же так? – спросит читатель. – Буддизм – и вдруг боевые искусства?»

Конечно, все мировые религии в принципе выступают против насилия. А буддизм, как мы помним, в первую очередь. Но это в теории. А на практике встает вопрос, что делать, когда применение силы необходимо даже не для того, чтобы сохранить чью-то конкретную жизнь, а целую веру?

К примеру, когда англичане в начале прошлого века вторглись в Тибет, его жители сложили оружие и открыли границы, считая, что, отвечая злом на зло, они только увеличат зло как таковое. Правда, когда позднее на Тибет напал Китай, некоторые местные жители пытались оказывать сопротивление захватчикам...

Как бы там ни было, но буддизм, в общем и целом выступающий против насилия, все же не запрещает своим последователям защищать свою веру. Потому монахи Шаолиня, называемые еще и боевыми монахами – «у-сэн», с древности практиковали так называемые боевые искусства, как многие теперь говорят, восточные единоборства, хотя название это не совсем правильное. Термин «восточные единоборства» возник в результате стремления общественности каким-то образом выделить некоторые виды боевых искусств в особую группу, с характерной «восточной» традицией. К примеру, если боец босой, одет в кимоно, а перед началом боя совершает приветственный поклон, то он явно не вписывается в «компанию» боксеров в трусах и перчатках, перед раундом пожимающих друг другу руки. Вот именно поэтому-то и появилось это разделение.

С другой стороны, сплошь и рядом можно услышать утверждения, которые выносятся знатоками боевых искусств о том, что многие из так называемых восточных единоборств, особенно те, которые сформировались относительно недавно (к примеру, дзюдо и таеквондо), включают массу приемов, свойственных, наоборот, западной группе. И уж совсем неправильным будет считать, что, если речь идет о восточных боевых традициях, то это автоматически означает более мощные или более опасные виды боя. Ведь на самом деле не имеет никакого значения, где находится родина какого-либо вида единоборства: на севере, на западе, на юге или на востоке. Как и то, во что одет боец: в экзотическую – как для западных стран (и весьма дорогостоящую!) шелковую «ифу», если это последователь ушу, простое (или не очень...) японское кимоно или боксерские трусы. И уж тем более не имеет значения, кто проводит подготовку – всем знакомый тренер или сенсей. Главное – это мастерство бойца. И любой профессиональный боец это подтвердит.

Многие считают ушу оздоровительной гимнастикой. До тех пор, пока – к своему великому удивлению – не узнают, что ушу – это одна из мощнейших боевых систем, которая (во многом благодаря Голливуду) известна как кунгфу.

Стилей ушу существует невероятное множество. Исторически существовали следующие попытки их классификации.

1. Классификация по принципу «Север – Юг». Бытует мнение, что якобы для северных стилей характерны широкие, высокие позиции, большое количество ударов ногами, многочисленные перемещения, в то время как южные стили характеризуются низкими позициями, малоподвижностью, упором преимущественно на действия руками. Однако существует много стилей как на севере, так и на юге Китая, которые абсолютно не укладываются в эту схему.

2. Классификация по трем центрам возникновения (Шаолинь, Удан, Эмэй). Легенды

утверждают, что якобы существует три центра возникновения стилей ушу: буддийский монастырь Суншань Шаолинь в провинции Хэбэй, комплекс даосских храмов в горах Удан в провинции Хубэй и буддийские и даосские монастыри в горах Эмэй в провинции Сычуань. Однако в эту схему абсолютно не вписываются многочисленные стили, не происходящие ни из одного из этих трех центров.

3. Классификация по долинам трех рек (Хуанхэ, Янцзы, Чжуцзян). Эта классификация была создана в основанной в 1909 году в Шанхае ассоциации «Цзиньбу», впервые предпринявшей попытку систематического научного изучения ушу. Однако в данную схему не укладываются стили, распространенные в регионах, через которые ни одна из этих рек не протекает, да и само сведение стилей в группы выглядит довольно искусственным.

4. Разбиение на стили, предпочитающие ведения боя на дальней дистанции – чанцюань, и стили, предпочитающие ведение боя на короткой дистанции – дуаньда. В эту схему не укладываются многочисленные стили, в которых бой ведут как на длинной, так и на короткой дистанциях.

Но в целом принято условно разделять все стили ушу на так называемые внешние, или жесткие, и внутренние, или мягкие (но не менее, а иногда и более смертоносные). Считается, что люди молодые, сильные физически чаще практикуют внешние стили, а женщины, дети и люди пожилые – внутренние.

Внешние и внутренние стили отличаются между собой, главным образом, по способам проявления силы, к которой в ушу относится не обычная мускульная сила, а особая сила, связанная с внутренней энергией человека – ци.

Во внешних стилях преобладают напор и мощь, жесткие удары и широко амплитудные движения. Некоторые стили (условно) основаны на подражании движениям реальных или мифических животных (например, стили тигра, богомола, змеи, журавля и т. д.). Наиболее типичными предшественниками внешних стилей являются направления шаолиньского ушу и многочисленные отпочковавшиеся от них школы, в то время как к внутренним стилям относятся такие как тайцзи («Великий предел»), багуа («Восемь триграмм»), синьи («форма мысли-сердца»).

Кроме прочего, стили ушу (например, тайцзицюань – «Кулак Великого предела») в практическом аспекте тесно связаны с древнекитайской медициной, поскольку важнейшим аспектом в боевых искусствах является достижение мастерства в управлении внутренней энергией (ци). Согласно китайской медицине, существование всего живого обусловлено наличием некоей жизненной силы, энергии ци. В теле человека она течет по определенным путям, меридианам. Если ток энергии в меридианах нарушается (замедляется или ускоряется), то возникают болезни. Занятия ушу помогают восстанавливать правильный ток энергии, а значит, способствуют оздоровлению и укреплению организма и исцелению от болезней. Даже тех, которые так называемая официальная медицина признает неизлечимыми.

Тут стоит подчеркнуть и признанный многими профессионалами недостаток, характерный именно для восточной традиции боевых искусств. Недостаток этот заключается в невероятном для западного человека авторитете учителя. Но что же в этом плохого? Дело тут вот в чем. Учитель в восточной традиции практически приравнивался к божеству. Уровень его мастерства с самого начала считался недостижимым. Подобное положение вещей ставило в сознании ученика психологический барьер. Поэтому, несмотря на реальное мастерство учителя, ученик даже помыслить не мог не то что его превзойти, но даже догнать. Что из этого следует – ясно и без комментариев.

Благодаря своим боевым навыкам монахи Шаолиня оказывали серьезную помощь некоторым китайским императорам. Тем не менее, к началу X века монастырь пришел в упадок. Само строение было практически разрушено, его отстроили вновь в 1245 году.

Спустя много столетий, в 1928 году, во время очередного военного конфликта Шаолинь был частично сожжен, а через время реконструирован и дополнен новыми пристройками.

Можно сказать, что образ Шаолиня как хранителя традиций «боевого чань»

сформировался в XVI–XVII веках. Шаолиньских монахов стали наделять всевозможными сверхъестественными способностями. Такое положение вещей усиленно эксплуатируется в бизнес-целях с XX века по сегодняшний день. Надо сказать, что вопрос, действительно ли способны левитировать (летать) шаолиньские монахи, до того взволновал мировую общественность, что в монастырь была отправлена целая экспертная комиссия. Результат работы комиссии оказался неутешительный: километры перечитанных древних текстов и опрос монахов подтвердили, что в Шаолине реальных случаев левитации замечено не было – ни раньше, ни теперь.

В наше время вокруг Шаолиня создано невероятное количество школ и центров боевых искусств, которые за немалую плату обучают приемам ушу всех желающих. И, пожалуй, подвергать критике подобное положение вещей вряд ли стоит, хотя и бытует мнение, что коммерциализация Шаолиня и ушу негативно влияет как на присущую тому и другому самобытность и одухотворенность, так и на качество обучения. Как бы там ни было, но монастырь Шаолинь является бесценным культурным памятником мирового значения.

В настоящее время, кроме всего прочего, монастырь Шаолинь стал центром проведения международных фестивалей по ушу. Не хватит никаких слов, чтобы описать всю красоту этого волшебного действия, разворачивающегося на фоне колоритной монашеской обители. Да и не только в ней одной! Те, кому посчастливилось своими глазами увидеть китайскую столицу в эти дни, никогда не смогут забыть той воистину уникальной сплоченности, которую демонстрировали приезжим местные жители: мужчины и женщины, старики и дети демонстрировали приемы ушу, находясь просто возле своих домов и на улицах города, в парках и скверах, не говоря уже непосредственно о школах ушу, расположенных плотной стеной по обе стороны многокилометровой дороги, ведущей из города к Шаолиню; того невероятного духа единства, которым не смог ни проникнуться каждый, проявивший даже самый малый интерес к древней буддийской боевой традиции, столь трепетно хранимой на территории этой, без преувеличения можно сказать, удивительной и своеобразной страны.

Буддизм в современном мире

В настоящее время буддизм, как мы уже знаем, получил распространение во всем мире. Буддистов можно встретить везде: в странах Европы, Америки, Азии, Африки.

Следует сказать, что до 1959 года существовала страна, главой которой являлся верховный служитель одного из буддийских течений – ламаизма. Речь идет о Тибете, который был теократическим государством, и его официальном правителе Далай-ламе. В 1959 году Тибет был захвачен Китаем.

На момент прихода китайцев Тибет представлял собой феодальное общество. Половина из шестимиллионного населения Тибета вела кочевой образ жизни, третья часть взрослого населения занималась сельским хозяйством; 15 % населения Тибета составляли монахи, иными словами – нищие, которые вели определенный, давно сложившийся образ жизни. Поскольку в буддийских странах подавать милостыню испокон веков было обязанностью верующих, нищенствование там не встречает такого неодобрения, как в странах Запада. Тем не менее, такое положение вещей влияло на жизнь в регионе в целом. Хотя вряд ли кто-нибудь не согласится с тем, что нищий монах отличается от нищего, промышляющего в мегаполисах, который стремится поживиться за чужой счет.

Кроме роли хранителей духовных традиций монахи в Тибете выполняли и другие виды деятельности, иногда крайне неприятной. К примеру, часть монахов занималась подготовкой трупов к кремации. Традиционная забота о ближнем предписывала им отделять мясо от костей, мясо кремировать, а кости смальвать в муку, чтобы этим могли питаться птицы и животные. Трупы же бедняков просто пускали по реке, чтобы их могли съесть рыбы.

Деревни обеспечивали себя всем необходимым сами. Излишек средств шел на пожертвования храмам, монастырям и бедным. В Тибете не существовало безработицы, социальное развитие не было господствующей идеей. Тибет жил особняком и не имел желаний что-либо менять. Главой государства и церкви в Тибете, как мы уже говорили, был Далай-лама, который считался воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары.

После китайского вторжения множество монастырей было разрушено. Но самым ужасным для тибетцев стало то, что Далай-лама был вынужден покинуть страну. Сто тысяч тибетцев предпочли отправиться в изгнание вслед за своим лидером. Они по-прежнему считают буддизм своей религией и ядром национальной культуры.

Сразу после вторжения Далай-лама обратился в Организацию Объединенных Наций с вопросом о судьбе Тибета. Генеральной Ассамблеей были приняты три резолюции, тем не менее, Китай не спешил давать положительный ответ ни на одну из них. А тем временем Тибет потрясли социальные, экономические, политические и военные перемены. Вспышки сопротивления местных жителей систематически подавлялись.

Казалось бы, что за годы, прошедшие со времен китайского вторжения, ситуация в Тибете должна была измениться к лучшему. Да, очень бы хотелось закончить рассказ о Тибете на этой оптимистичной ноте, но уввы... И если дела в других буддийских странах мира протекают с переменным успехом (как, впрочем, и в небуддийском мире), жизнь для тибетцев ничуть не улучшилась. Антиправительственные акции протеста стали обычным делом. Тибетцы в наше время живут в Китайской Народной Республике в условиях полного отсутствия политических прав, не имея никакой возможности общаться со своим правительством, по-прежнему находящимся в эмиграции. Для многих коренных жителей возникла реальная угроза переселения в гетто, обустроенные в труднодоступной части гор. Китайское правительство в Пекине совершенно однозначно дало понять, что после смерти нынешнего, четырнадцатого Далай-ламы именно Китай займется поисками его нового воплощения...

Доведенные до отчаяния монахи совершают публичные акты суицида путем самосожжения возле правительственных учреждений, но вряд ли это хоть как-то улучшит ситуацию.

Дошло до того, что находящийся в эмиграции Далай-лама, возглавляющий там крохотную – в планетарном понимании – общину, составляющую на сегодняшний день примерно сто пятьдесят тысяч человек и к мнению которой мир особо не прислушивается, заявил о том, что оставляет свой пост главы государства. Человек, известный своей просвещенностью, несгибаемый сторонник идеи мира во всем мире, лауреат Нобелевской премии и личность, пользующаяся невероятным авторитетом как среди тибетцев, так, впрочем, и среди китайцев (что, правда, не помешало захвату его родины этой страной), нынешний Далай-лама всегда занимал активную жизненную позицию. И с момента вторжения Китая в Тибет он неустанно боролся за восстановление там мира и спокойствия. Теперь же семидесятишестилетний Далай-лама выступил с идеей свободных демократических выборов (сама возможность которых, в принципе, предусмотрена им же разработанной новой конституцией, изданной для тибетцев после китайского вторжения) правительства и отделения государства от религии. Несмотря на то что от роли духовного лидера Далай-лама отказаться не может при всем желании (возможно, у него и нет такого намерения), миллионы его соотечественников, для которых слово Далай-ламы всегда было непреложной истиной, умоляют его изменить свое решение.

Вряд ли Китай сильно озаботит подобный шаг пребывающего в далекой эмиграции тибетского лидера, которым он, судя по всему, пытается довести до пекинского правительства мысль, что ни с его уходом, ни со смертью проблема Тибета никуда не исчезнет и, рано или поздно, но ее придется урегулировать.

Горько осознавать, что даже, казалось бы, такой доброжелательный и гуманный по своей природе мир буддизма не в состоянии избежать трагических катаклизмов. Что ж, сансара есть сансара, здесь никто ни от чего не застрахован.

Тем не менее, как мы уже поняли, буддизм – одно из очень ярких и самобытных явлений, благодаря существованию которого высокие человеческие идеалы никогда не потеряют своей ценности даже в таком сложном, нестабильном и противоречивом месте, как наш материальный мир.

Буддизм оставил потомкам невероятное количество памятников культуры, искусства, архитектуры и продолжает создавать новые, которые будут иметь возможность лицезреть наши дети и внуки.

Изваяния Будды, как и фигуры Иисуса Христа в церквях, обязательно присутствуют в каждом буддийском храме. И у многих из них своя история. Но среди них есть

безусловно уникальные изваяния, и одно из них – это Золотой Будда из Ват-Траймит в Бангкоке.

Взять хотя бы его размер: эта огромная статуя высотой почти три метра и весит она пять с половиной тонн! Глаза Золотого Будды сделаны из черных тайских сапфиров, а белки глаз – из жемчуга.

Долгое время это чудо буддийской традиции было скрыто от людских глаз. Пока фигура находилась в одном из храмов прежней столицы Таиланда, считалось, что она отлита из гипса. Все дело в том, что в период войны с Бирмой [27 – Ныне эта страна называется Мьянмой.] многие драгоценные статуи покрыли цементом или гипсом, чтобы они не пострадали во время бомбежек или от мародеров. И, как мы видим, задумка удалась!

История нового открытия Золотого Будды полна мистических совпадений. К примеру, когда в Бангкоке построили новый храм, решили для него не отливать новую скульптуру, а взять одну из уже существующих. Вот тогда-то, во время погрузки, драгоценное изваяние уронили. Из бреши, образовавшейся в гипсе, засияло золото! Отмытая и очищенная огромная скульптура оказалась полностью золотой!

Кроме того, что статуя Золотого Будды одна из самых больших – она еще и очень древняя! Предполагают, что ее отлили 700 лет назад, во времена правления короля Рамкамхена, который не только стремился поразить воображение зрителя величественным произведением искусства, но и преследовал иную цель: считается, что в Золотого Будду он вложил все золото страны, и, таким образом, оно послужило духовным целям, а не растрачивалось на предметы роскоши.

Кроме изваяний Будды постоянными спутниками буддийской традиции являются монастыри и храмы, которые поражают своей самобытной красотой. Например, широко известность получил Золотой храм Дамбулла – самый крупный пещерный буддийский комплекс в Южной Азии. Его высекали в I веке до н. э. в скалах. Он был преподнесен в дар буддийским монахам правителем Шри-Ланки. В нем находится самая известная 14-метровая статуя лежащего Будды с преданным учеником Анандой у его ног. Она воссоздает момент вхождения Будды в нирвану. В самой большой пещере находится храм Великих правителей, где представлены 16 стоящих статуй Будды и 40 статуй Будды в медитации.

Храмовый комплекс построен в живописной горной местности и включает несколько пещер, расположенных на высоте 350 метров над уровнем моря. Кроме того, в нем имеется множество ниш, поверхность которых расписана удивительной буддийской настенной живописью. В храме насчитывается 5 главных пещер и 25 скальных келий, точнее то, что от них осталось. В разных пещерах имеются 153 фигуры Будды, три изваяния правителей Шри-Ланки, несколько статуй богов и богинь; стены покрыты живописью в буддийском стиле (общая площадь 2100 м). Считается, что в этом храме находится самая большая коллекция статуй Будды, многие из которых по-настоящему древние – им более двух тысяч лет.

Свое название – «золотой» – храм Дамбулла получил из-за того, что семьдесят три его статуи покрыты настоящим золотом. Этот храм находится в Центральной провинции Шри-Ланки, близ города Матале, и является местом паломничества на протяжении многих веков. На сегодняшний день Золотой храм Дамбулла занесен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и охраняется законом.

Еще один знаменитый храм, о котором нельзя не упомянуть, это Храм Белой Лошади в 13 км к востоку от китайского города Лоян, построенном при династиях Мин и Цин. Это самый почитаемый буддийский храм в Китае (после тибетских). Интересна история основания храма: в 67 году н. э. второй император династии Хань отправил двух посланцев в Индию, чтобы собрать буддийские писания. Когда послы достигли Афганистана, они встретились с двумя индийскими монахами, которые дали им буддийские сутры и статуи и согласились отправиться в Китай, в Лоян, где и был основан первый буддийский храм страны. Так как статуи и писания перевозили на спине белой лошади, то храм так и назвали – Храм Белой Лошади. Перед ним в эпоху династии Сун были установлены две каменные статуи, изображающие лошадей. На востоке высится 13-этажная пагода, построенная в X–XI веках.

Другой пример – удивительная пещера Могао, что в переводе означает «пещера не для высоких» – крупнейшая пещера раннебуддийского пещерного храмового комплекса Цяньфодун, воздвигнутого в 353–366 гг. н. э. в 25 км от оазиса Дуньхуан в Китае.

Этот храмовый комплекс не сможет оставить равнодушным ни одного ценителя прекрасного. Цяньфодун, который чаще называют Могао (по наименованию главной пещеры), объединяет 492 святилища, которые украшались фресками и скульптурами на протяжении целого тысячелетия (IV–XIV вв.)!

Могао является одним из самых ранних буддийских храмов Китая. Его возникновение на самой границе пустыни Такла-Макан неслучайно: именно здесь когда-то проходили караваны с шелком, вместе с которыми буддийское учение и просачивалось в Китай. В отличие от более поздних пещерных храмов – Лунмэня и Юньгана – в Могао главенствует не скульптура, а фресковая живопись, площадь которой равняется к 42 000 м!

В самом начале XX века в одной из пещер комплекса был обнаружен огромный склад рукописей, состоящий примерно из 20 000 объектов! Ученые предполагают, что они были сложены здесь в XI веке, когда манускрипты стали вытесняться из употребления печатными книгами.

Рукописный фонд Могао разнообразен по содержанию и датировке: это буддийские, даосские и другие тексты, трактаты по философии, математике, медицине, словари, классическая китайская поэзия, официальные документы. Среди рукописных памятников Могао имеется и «Книга гаданий» – уникальный текст, написанный тюркским руническим письмом и, кроме того, первая печатная «Алмазная сутра», датированная примерно 868 годом.

Большая часть фресок Могао посвящена Будде и его проповедям, а также бодхисаттвам, феям-апсарам, монахам и верующим. Многие из росписей воспроизводят подлинные события из истории распространения буддизма.

Почти во всех пещерах присутствуют изображения летящих апсар, у которых вместо крыльев длинные разноцветные ленты. Другие фрески посвящены событиям повседневной жизни. Тут можно увидеть сцены охоты, рыбной ловли, сельскохозяйственных работ, есть тут и изображения воинов, музыкантов, свадебных церемоний, причем на фресках изображены люди разных национальностей и социальных слоев.

Следующий пещерный комплекс, связанный с буддизмом, о котором необходимо упомянуть, – это Лунмэнь.

Пещерные храмы Лунмэнь (буквально: «Каменные пещеры у Драконовых ворот») находятся в 12 км к югу от города Лояна. Наряду с Могао и Юньганом они считаются одним из трех наиболее значительных пещерных храмовых комплексов Китая. Пещеры тянутся к югу от Лояна на протяжении километра по склонам гор Сяньшань (Восточные горы) и Лунмэньшань (Западные горы), между которыми течет река И. Свое название Лунмэнь (Ворота Дракона) они получили из-за того, что две горы, через которые проходит река И, похожи на ворота.

Лунмэньские пещеры – вершина буддийского пещерного храмового искусства в Китае. По официальным оценкам, здесь расположены 1352 пещеры, 2345 гротов и углублений с 43 храмами, которые содержат около 2800 надписей, 785 киотов, 97 тыс. статуй Будд и более 3680 памятников и скульптур с каллиграфическими надписями, всего порядка 100 тыс. изображений религиозного характера. Общая протяженность скал с искусственными пещерами составляет 1 км. На барельефах традиционно изображался Будда в окружении бодхисаттв, иногда – Будда в обществе своих первых учеников, Ананды и Кашьяпы.

Пещеры Лунмэнь пережили два этапа развития. Создание храмов началось в 493 году при династии Северная Вэй, однако почти 60 % статуй относятся ко времени правления династии Тан (VII–X вв.), когда было создано большое количество пещер, в которых имеются истинные шедевры буддийского искусства. Таким образом, история Лунмэньских пещер насчитывает 400 с лишним лет.

К сожалению, очень многие скульптуры были похищены иностранцами в XIX – начале XX века и осели в государственных музеях и частных коллекциях Запада. Так, две большие фрески находятся в музеях Метрополитен в Нью-Йорке и Аткинсон в Канзас-Сити. Удивительно, что бригады хунвэйбинов во время «культурной революции» совершенно не тронули пещеры, хотя те стояли без всякой охраны.

Пещера Гуян-дун – одна из самых старых пещер Лун-мэнь, созданная между 428-м и

488 годом. Пещера покрыта беспорядочно расположенными нишами, на которых высечены имена мастеров, время и причина создания каждого пещерного помещения. В ней также есть изображения членов императорской семьи и аристократов периода династии Северная Вэй. Три ряда статуй Будды разного размера вырезаны в северной и южной стенах.

Основная часть пещерных храмов находится на западном берегу реки и называется пещерами Бинъян. Они протянулись вдоль фасада скалы по оси север-юг.

Три пещеры Бинъян были созданы по приказу императора Сюанью династии Северная Вэй в память его родителей, а позже и его самого. Однако только в одной пещере – средней – работы были доведены до конца. Для строительства этой пещеры потребовались 802 326 рабочих и 24 года напряженного труда. Внутри входа на двух стенах расположены два больших скульптурных изображения «Император и императрица преподносят дар Будде».

В пещере Фэнтянь-сы, которая является самой большой из пещер Лунмэня, находится скульптурный комплекс храма Почитания памяти предков, созданный по приказу императрицы У Цзэтянь – первой и единственной женщины, формально легитимно единолично правившей Китаем за всю его историю.

Комплекс состоит из центральной статуи – Будды Лушэна высотой 17,14 м; статуй учеников Лушэна, Тяньвана (бога Неба), парных статуй богатырей и жертвователей на храм. Статуя Будды считается вершиной буддийского искусства Китая.

В нескольких минутах ходьбы на юг от Бинъяна находится другой знаменитый комплекс – Пещера Десяти Тысяч Будд. Тысячи будд на самом деле – маленькие барельефы на стенах пещеры. Здесь имеется также большая и красивая статуя Будды и изображения апсар – небесных освобожденных созданий, и музыкантов. Пещера Десяти Тысяч Будд в Лунмэнь является еще одним шедевром эпохи Тан. Она была создана в 680 году н. э. в честь императора Гао-цзуна и императрицы У.

В 2000 году было принято решение о внесении Лунмэньских пещер в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Нельзя также не упомянуть о Таньчжэ – крупном буддийском храмовом комплексе, одним из самых известных храмов Китая. Расположен он к западу от Пекина, в горах Сишань. Построен был еще в эпоху Цзинь (2 пол. III – нач. V в. н. э.). Название комплекса происходит от названия горы Таньчжэшань, которая, в свою очередь, обязана им расположенному недалеко Драконьему пруду (Лунтань) и растущим на его берегах деревьям чжэ.

Интересно, что согласно легенде, на территории Таньчжэ была когда-то похоронена дочь хана Хубилая, внука Чингисхана, – принцесса Мяоян, ставшая в свое время буддийской монахиней.

Ну и, конечно, мы не можем не рассказать о Потале. Дворец Потала, расположенный в городе Лхаса в Тибете – это не только двор правителя, но и буддийский храмовый комплекс, который являлся основной резиденцией Далай-ламы, вплоть до того времени, когда Далай-лама XIV был вынужден просить политического убежища в Индии после вторжения Китая в Тибет. Комплекс расположен на высоком холме рядом с городом, его общая площадь составляет 360 тыс. м!

Известно, что в 637 году правитель Тибета возвел первое здание будущего комплекса в том месте, где он обычно медитировал. Когда он сделал Лхасу своей столицей, то построил дворец, который впоследствии был расширен до 999 комнат. Кроме того, тут были возведены защитные стены и башни и вырыт обводной канал.

Печальная участь постигла дворец во второй половине VIII века: в него попала молния и деревянные постройки сгорели. А еще позднее, по причине междоусобных войн, дворец был разрушен окончательно. На сегодняшний день сохранилась лишь пещера Фа-вана и зал Пабалакан.

Дворец в его современном виде начал строиться в 1645 году по инициативе Далай-ламы V. В 1648-м был отстроен Белый дворец (Потранг Карпо), и Потала стала использоваться как зимняя резиденция далай-лам. Красный дворец (Потранг Марпо) был достроен на четыре десятилетия позднее. Известно, что в этом грандиозном строительстве принимали участие лучшие мастера из Тибета, Непала и Китая.

Исследователи предполагают, что название дворца происходит от названия легендарной горы Потала на которой, по легенде, живет великий бодхисаттва Авалокитешвара, воплощением которого на Земле и является Далай-лама.

Дворец находится на высоте 3700 м на Красном холме (Марпо Ри) посредине Лхасской долины. Многочисленные паломники обходят вокруг холма, совершая кору – ритуальный обход святого места. Вдоль коры находятся многочисленные молитвенные барабаны и торговые ряды.

Белый дворец состоит из Большого восточного павильона, Солнечного павильона, жилых покоев регента и наставника Далай-ламы, служебных помещений правительства. Большой восточный павильон использовался для официальных церемоний, а в Солнечном павильоне Далай-лама собственно жил и работал.

Красный дворец служил местом молитв и религиозных ритуалов, большое значение в которых имеют восемь мемориальных ступ, в том числе пятого и тринадцатого далай-лам. Кроме ступ, дворец включает большие и малые залы – храмы, посвященные буддам, бодхисаттвам, далай-ламам, а также помещения для аудиенций и церемоний. В залах выставлены на всеобщее обозрение различные драгоценности и реликвии: мандалы, поминальные ступы, статуи божеств, далай-лам и гуру, книги, ритуальные предметы. Стены помещений дворца покрыты величественными росписями. В Большом западном зале обычно проходили религиозные церемонии, жертвоприношения и приемы.

Особое значение в истории дворца имеет пещера Фа-Вана, о которой мы упоминали выше, в ней еще до начала строительства читал священные тексты сам правитель Тибета Сонгцен Гампо – основатель комплекса.

Сегодня дворец Потала является музеем, активно посещаемым туристами, оставаясь при этом местом паломничества буддистов. В нем продолжают исполнять буддийские ритуалы. Ввиду огромной культурной, религиозной, художественной и исторической ценности в 1994 году он был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Однако не только храмы, дворцы и монастыри напоминают нам о буддийской традиции, есть даже целые буддийские острова! Например, китайский остров Путошань, расположенный к юго-востоку от Шанхая.

Этот остров известен в китайском буддизме, как бодхиманда, или место просветления бодхисаттвы Авалокитешвары, почитаемого в китайской традиции как богиня милосердия Гуань Инь. Кроме того, Путошань является одной из четырех священных гор Китая (вместе с Утайшань, Цзюхуашань и Эмэйшань). Название Путо произошло от Поталака – горной обители Гуань Инь, упоминаемой в Аватамсака-сутре, также как и название дворца Потала, бывшей резиденции далай-лам.

На острове находится множество буддийских храмов, пагод и невероятной красоты природных объектов. Это и 33-метровая статуя самой богине милосердия Гуань Инь, держащей в левой руке Колесо Дхармы – символ буддийского учения; и Пуцзи – крупнейший храмовый комплекс, построенный в 1080 году, во времена династии Сун с последующими позднейшими достройками. Главный зал комплекса вмещает большую статую Гуань Инь и 32 небольших изваяния, изображающих её воплощения. Очень интересна и Пагода Всех Сокровищ – самая древняя пагода на острове, возведенная рядом с храмом Пуцзи в 1334 году, во времена династии Юань. В настоящее время остров, как и упомянутые выше памятники, является охраняемым туристическим объектом.

Кроме того, говоря о буддизме, необходимо обратить особое внимание на такое понятие, как святыне, или паломнические места. Паломнические места связаны с этапами жизненного пути Будды. Существует восемь центров почитания Будды, четыре из которых являются главными для верующих. Неудивительно, что основная часть паломнических мест находится в Индии – ведь именно там, где, как мы уже знаем, Гаутама Будда родился и проповедовал.

Первый центр почитания расположен на территории современного городка Лумбини (Непал). Здесь, как мы помним, в 543 г. до н. э. родился Сиддхартха Гаутама. Рядом находятся руины дворца, где он жил до 29 лет. В Лумбини сегодня более 20 монастырей!

Второй центр – это Бодхгая (Индия). Именно здесь Будде было ниспослано просветление. Центром паломничества является Махабодхи Мандир, храм, находящийся на том месте, где Будда обрел просветление.

Третий центр – Сарнатх (Индия) расположен рядом с городом Варанаси. Здесь Будда прочитал свою первую проповедь о четырех благородных истинах.

Четвертый центр – Кушинагара (Индия) находится около городка Горакхпур. В этом месте Будда покинул свое тело.

Другие центры почитания Будды расположены в городах Раджгар (Индия), где Будда поведал миру свое учение о пустоте здесь находится пещера, в которой проходил первый буддийский собор; Вайшали (Индия) – здесь Будда читал свои проповеди и предсказал свой скорый уход из земного мира; а также в штате Махараштра, где находятся пещерные храмы Аджанты и Эллары. Всего храмов 29, они сооружены в скальных породах нависающего над рекой ущелья.

Основной паломнический центр Тибета – это его столица, город Лхаса с дворцом Потала, о которых уже упоминалось выше. Кроме того, важнейшим паломническим местом в Тибете является священная гора Кайлас и озеро Манасаровар, расположенное неподалеку. Интересно, что гора Кайлас является священной горой для представителей четырех религий: буддизма, индуизма, джайнизма и древней тибетской религии бон. Вокруг горы Кайлас паломники следуют по внешнему и внутреннему кругу. Принято вступать на внутренний круг, если паломник прошел по внешнему минимум 12 раз. Паломники обходят гору Кайлас по внешнему кругу примерно за 30 часов (длина круга 55 км, он находится на высоте 4800–5600 м над уровнем моря). Практикуется и обход горы Кайлас с простираниями (паломники ложатся на землю в акте поклонения), но тогда этот процесс занимает одну – две недели. На внешнем круге находятся четыре тибетских монастыря, на внутреннем – два.

Второй по величине город Тибета – Шигацзе – также является центром поклонения. Он находится на трассе Катманду – Лхаса. Здесь туристы посещают монастырь Ташилунгпо, резиденцию Панчен-ламы.

В Японии одним из самых почитаемых буддистами мест является город Нара. Одно время он был столицей японского государства. В наше время Нару посещают ежегодно около 3 млн паломников! На территории города расположено несколько буддийских и синтоистских храмов и кумирен. Наиболее известен буддийский храм Тодайцзы, в котором находится одна из самых больших статуй Будды в мире и самая большая в Японии. Высота этого изваяния 22 метра.

На территории Шри-Ланки центрами поклонения прежде всего являются царственный город Канди, в котором на берегу искусственного озера стоит храм Священного зуба Будды.

Город Анурадхапура также привлекает ежегодно тысячи паломников. Здесь находятся восемь святых мест, среди которых и место, где растет саженец дерева Бодхи, под которым, согласно преданию, принц Сиддхартха Гаутама достиг просветления. Кроме того – Тупа-рама, первое религиозное сооружение и ступа, где хранится частица ключицы Будды. В городе Полонарува есть второй храм Священного зуба Будды, храм Лежащего Будды и знаменитый Каменный храм, где колоссального размера четыре статуи Будды высечены в гранитной скале.

На территории Таиланда находятся более 18 тыс. буддийских храмов и монастырей! Из них более 400 – в Городе Ангелов – Бангкоке. Самый известный – храм Изумрудного Будды, который располагается на территории королевского дворца. По пути от Бангкока до города Канчанабури можно увидеть самый высокий буддийский памятник в мире – Пхре-Пахтом Чеди.

В Камбодже местом паломничества является знаменитый храмовый комплекс Ангкор-Ват, его площадь составляет 260 км и включает около 200 различных культовых сооружений.

В Индонезии на острове Ява расположен всемирно известный храмовый комплекс Боробудур.

Итак, мы видим, что история подарила нам неисчислимое количество чудесных памятников культуры, так или иначе связанных с буддизмом. Однако и в современном мире эта традиция не прерывается. Например, в Калмыкии в 1996 году было закончено строительство буддийского комплекса Гедден Шеддуп Чойкорминг – крупнейшего храма в Европе, в котором находится позолоченная статуя Будды.

На Урале в настоящее время ведется строительство буддийского монастыря и места медитативного уединения на горе Качканар. Монастырь уже имеет название – Шад Тчуп Линг, что в переводе с тибетского означает «место практики и реализации». Он возводится среди скал на северо-восточном склоне горы Качканар, на высоте 843 метра над уровнем моря. Строительство по древним тибетским и монгольским канонам монастырского зодчества позволяет сохранить экосистему местности и гармонично вписать комплекс в живописный местный ландшафт.

К сожалению, прекрасные памятники истории и культуры в нашем жестоком мире служат иногда далеко не мирным целям. Примером стал печально известный индуистский храм Шивы Преа Вихеа. Построенный в XI веке, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, храм уже получил серьезные повреждения в ходе вновь вспыхнувшего пограничного конфликта между Таиландом и Камбоджей. Более полувека эти два буддийские (!) государства бьются за храм, который в религиозных целях не нужен ни тому, ни другому. Вспыхнувший впервые в 1904 году конфликт с переменным успехом и интервалами продолжается по сей день. В боях задействовано всё, даже тяжелая артиллерия. Льется кровь, гибнут люди, тысячи беженцев пытаются укрыться от пуль, уходя в глубь своих стран.

Таиланд и Камбоджа попеременно пытаются закрепиться на спорной территории индуистского храма; вопрос о принадлежности земли, на которой он возведен, не прояснен до сих пор.

В 2009 году конфликт между двумя государствами до того обострился, что стороны взаимно отозвали послов. Однако в августе 2010 года Таиланд и Камбоджа восстановили дипломатические отношения, что, однако, решить проблему не помогло.

На территориях обоих государств проживает не так много индуистов, чтобы предположить, что причиной конфликта стали их интересы. Что же тогда? Специалисты считают, что между двумя государствами идет банальная борьба за «клиента», которым в данном случае выступает турист. Так это или нет, в любом случае война идет и конца ей не видно. И, как обычно в таких случаях, страдают безвинные люди, и очень грустно признавать, что руководствам государств найти общий язык мирное учение Гаутамы Будды, как и в случае конфликта Китая и Тибета, совсем не помогло...

Эпилог

Самая большая трудность в принятии любого учения, и Будды в том числе, заключается в постоянной потребности человеческого ума найти доказательства его достоверности. И хотя буддизм исключительно практическое учение, Будда никогда и никого не призывал верить ему на слово, тем не менее, до тех пор, пока мы не просветлены, удовлетворительное подтверждение идей буддизма мы вряд ли получим.

Нельзя сказать, что на сегодняшний день весь, без исключения, род людской считает Будду пророком. Но ведь того же нельзя сказать ни об Иисусе Христе, ни о Мухаммеде. Сомневающиеся были и будут всегда, и это в мире, где никто ни в чем не может быть уверен, – обычное явление. Главным здесь, наверное, является не титул, а то, что учение Будды, как и Христа, Мухаммеда и других пророков, помогло и по сей день помогает сотням, тысячам, даже миллионам людей выживать в тяжелых жизненных ситуациях, сохранять веру в добро, справедливость и в высокие человеческие идеалы, без которых этот мир превратился бы не во что иное, как в место бойни и хаоса, причем значительно раньше предсказываемого многими Армагеддона [28 – Армагеддон в христианстве – последняя, решающая битва Добра со Злом, когда должен произойти легендарный «конец света». Воспринимается как в негативном (как и любая война, ассоциируется со страхом, болью, смертью и разрушениями), так и в позитивном (конец того мира, в котором правит Зло, начало мира Добра и справедливости) значении.].

Будда А. Корниенко Буддизм filosoff.org

В этой связи хотелось бы отметить следующее. По сути, все мировые религии, вне зависимости от того, как они называются, когда возникли и какими пророками или учителями были донесены до широких масс, в общем и целом призывают к одному и тому же: не причинять вреда живым существам, вести высоконравственный образ жизни и настраивать свой разум (мантрами ли, молитвами ли) на некую высшую, светлую и добрую инстанцию, в надежде, что она примет нас после нашей смерти и определит в мир, очищенный от любых проявлений страданий. В мир, где «смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло...» (Откровение святого Иоанна Богослова: 21,4).

Поэтому даже самый ярый атеист, бегло проведя соответствующие исследования, рано или поздно задастся вопросом: «Не слишком ли много совпадений? Может быть, в этом все-таки что-то есть?» Что-то, что, возможно, когда-то, очень давно, было перекручено, поставлено с ног на голову и (то ли с умыслом, то ли по ошибке) донесено в том виде, в котором от истинной правды уже мало что осталось.

Правда также заключается в том, что многие люди на Земле считают надежду на загробное воздаяние итогом жизни неудачника, которому больше не на что надеяться, кроме как на радости в ином мире (воплощении). Или же наоборот, результатом абсолютного пресыщения сегодняшним изобилием, когда ничто из того, что «здесь», уже больше не интересно, поэтому – для разнообразия – начинает волновать вопрос: «А что же там?..» А там, как и здесь, хочется, конечно, всего и много. Причем, такая философия напрочь исключает бескорыстные, чистые и благородные порывы человеческой души.

Что тут сказать? Этот спор, по всей видимости, рассудит только та, самая последняя черта, которую всем когда-нибудь придется переступить.

Другой немаловажный, но достаточно грустный момент выглядит следующим образом. Наверное, ни одна из существовавших и/или существующих религий и верований (за исключением, разве что философии научного коммунизма, судьба которого ни для кого не является секретом) не утверждает, что в нашем мире силами самого населения планеты, то есть без вмешательства неких высших сил, можно построить идеальное общество, в котором все без исключения люди еще при этой жизни будут счастливы. И видимо, неспроста. Кроме непреодолимых внешних помех этому мешает, к сожалению, слишком разное представление о счастье каждого, отдельно взятого набора пяти элементов, иначе говоря, представителя рода человеческого. В связи с таким положением вещей мечту о всеобщем благе и стали называть утопической, то есть несбыточной. А жаль...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!